

КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

**ПРАВЕДНЫЙ
ГРЕХ**

Владимир Александрович Жуков

Праведный грех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30096824

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман по мотивам реальной истории. Во время работы в поле был убит передовик производства, механизатор КСП «Светлый путь». В процессе расследования сотрудник уголовного розыска и следователь прокуратуры вскрыли факты порочной жизни «стахановца», ставшие причиной справедливой мести.

1. Знак беды

Телеграмма кричала: «Срочно приезжай, Лида опасно больна. Антон». Анна Васильевна Вальчук тяжело опустилась на стул. Серый листок выпал из дрожащих пальцев. Она машинально подняла его, разгладила ладонью на поверхности стола. Взгляд остановился на пугающих словах «опасно больна». «Значит, совсем сестре худо,— подумала женщина. — Сдержанный, не подверженный панике, муж сестры Антон обычно лишний раз не побеспокоил. Видимо, исход предreshен, иначе бы он не стал бить тревогу. То-то, неспроста всю неделю сердце щемило, родная кровь подавала сигнал беды. А я думала-гадала к чему бы это? Верно, говорят, что между родными людьми существует незримая связь, вроде телепатии. Спросила у Федора, а он в ответ — к перемене погоды. Причем здесь погода, климатические условия, если во дворе благодать — начало июля, почти макушка лета».

— Что с тобой, мамочка? Лицо бледное,— Вальчук не сразу расслышала голос дочери шестнадцатилетней Светланы, вошедшей в летнюю кухню и заставшую мать в отрешенном состоянии. Она обратила на дочь свой печальный со слезами взгляд.

— Вот телеграмма от Антона, — и уронила руки на передник. — Ох, беда, Света, большое горе. Сестричка родная, Лидочка...

– Мамочка, родненькая, успокойся, а то я тоже разревусь, – Светлана бережно прижалась к ней телом. – Может все обойдется. Тетя Лида терпеливая, она – оптимистка.

– Нет-нет, это конец, – обреченно произнесла Анна Васильевна. – Еще год назад врачи подозревали у нее рак печени. После химической терапии предлагали согласиться на операцию, но сестра отказалась, решив, что лучше умереть собственной смертью. Да и то сказать от судьбы не спрячешься, кому, что на роду написано, так тому и быть.

– Мама, сколько ей лет? – сорвалось у Светланы.

– В октябре тридцать восемь исполнится, – ответила мать, решив, было упрекнуть дочь в забывчивости, но передумала, сейчас не до этого. – На два года меня младше. Жить бы ей еще, да жить.

– Что ты, ее заранее оплакиваешь. Дурная примета.

– Больно ты разбираешься в приметах, – Анна Васильевна с досадой махнула рукой. – Будет яйцу курицу учить. На экзаменах в техникум провалилась. Никакие приметы и заклинания не помогли. А здесь другое дело – предчувствие. Всю ночь не могла заснуть и Федору спать мешала. А потом сердце, как защемило и все оборвалось. Пустота какая-то, словно в пропасть провалилась. Лишь под утро задремала и услышала Лидин голос: «Прости меня, сестрица». Неспроста все это, есть на свете Бог и он все зрит. Только Лиду безгрешную он почему-то не уберег.

– Мам, какие ты страхи рассказываешь, – испуганно по-

глядела на нее Светлана. Анна Васильевна вдруг спохватилась:

– Что же я сижу, в дорогу надо собраться. Каждая минута на счету.

Она вспомнила, что поезд отправляется поздно вечером. Федор успеет возвратиться с работы и проводить на железнодорожную станцию, что в райцентре в семи километрах от Романовки.

Анна Васильевна отправила Светлану в машинно-тракторный парк, чтобы предупредила Федора о телеграмме. Он нередко после вспашки поля задерживался в парке, хлопотал возле трактора. «Хозяйственный, надежный человек, я за ним, как за каменной стеной, – рассуждала она, укладывая в небольшой чемодан вещи в дорогу. – На Федю со спокойной душой можно оставить дом. И за коровой Майкой лучше любой доярки присмотрит, кабанчика Борьку и птицу голодной не оставит. На Светку надежды мало, еще ветер в голове гуляет. Думала ее осенью в Керчь отвезти, в медицинское училище на медсестру или в политехнический техникум устроить. А оно вон, как обернулось. Человек предполагает, а Господь решает. Зачем теперь Антону чужая обуза, дай силы самому с детьми управиться. В селе для дочки нет приличной работы. Молодежь, едва школу закончит, норовит в город податься. Там работа, женихи и развлечения, дискотеки, бары, компьютерные клубы, а в селе одни старики, да глушь не то, что прежде. Окна клуба забиты досками,

библиотека в запустении, фельдшерский пункт на ладан дышит.

Одна дорога для девчат – на ферму коров доить, а для ребят – быкам хвосты крутить или за рычаги трактора, как мой Федор. Пахарь, неутомимый труженик. Может орден или медаль заработает, погреюсь в лучах его трудовой славы. С ним мне здорово повезло. Бабы завидуют, что такого работающего мужика отхватила. Мастеровой, пьет умеренно, только по большим праздникам».

Первый муж Анны Степан Ермаков, отец Светланы, мужик добрый и покладистый, работая то шофером, то механизатором. Поначалу они жили, душа в душу и жена им восхищалась: «Мал золотник, да дорог». Но вскоре, оказывая односельчанам транспортные услуги за самогон, вино и брагу, постепенно спился. И когда подруги напоминали Анне о малом золотнике, она с обидой заявляла: «Это вы, его испортили, самогоном расплачиваясь». «А ты хотела, чтобы натурой?– уколола ее доярка, черноглазая и смуглая, словно цыганка, Евдокия. «Не телом, а деньгами! – возразила тогда Вальчук. «Так Степан все равно пустил бы их на пропой», – усмехнулась подруга.

Действительно, со Степаном Анна Васильевна не жила, а страдала. Правда, до рукоприкладства дело не доходило, но перед тем, как отправить Степана на два года в лечебно-трудовой профилакторий, она получила официальный развод. Обменяла паспорт на свою девичью фамилию Вальчук, а

дочь осталась на отцовской – Ермакова.

Светлана молча осуждала мать за развод, целую неделю ходила хмурой. Отца ей было жаль, давила обида за его неудавшуюся судьбу. Отправляясь в сопровождении участкового, лейтенанта Николая Удоды в керченский ЛТП, Ермаков строго наказал Анне не обижать Светку, иначе он за себя не ручается. Прибыв на место, написал дочери трогательное письмо, обещал, что с пьянством покончит и, когда возвратится, то заберет ее к себе. Вдвоем начнут новую жизнь, так как в верности женщин он разочаровался, не собирается вновь связывать с ними свою судьбу.

Прежде Вальчук интересовалась письмами Степана, но после того, как в их доме поселился Федор Головин, стала к ним равнодушна. Лишь иногда укоряла дочь, мол, на что надеешься, твой отец неисправимый алкаш, а вот отчим Федор – золотой, душевный, редкий человек. Я за ним, как за каменной стеной. Невелика птичка, хоть разочек назови его папой, язык не отсохнет. Зато Феде будет приятно, какую-нибудь цацку тебе подарит...

«Не надо от него никаких цацек. Для тебя он может и золотой, – отвечала, в таких случаях Светлана. – А я родного отца не предаю. Он у меня один и никого другого не собираюсь называть папой. Дети родителей не выбирают».

Появление в Романовке статного и породистого, двухметрового роста механизатора Федора Егоровича Головина с сорок шестым размером обуви, произвело настоящий фурор.

Особенно среди доярок, а точнее, операторов машинного доения молочно-товарной фермы (МТФ). На работу они приходили напудренные с накрашенными ресницами и очерченными красной и алой помадой губами. От них веяло неказистыми духами, неспособными перебить навозный запах фермы. Анна Вальчук, прежде неопрятная в выцветших и застиранных халатах, тоже внешне преобразилась.

Все чаще представляла в разноцветных блузках и коротких юбках, демонстрируя содержимое своего гардероба. К тому времени ее бывший супруг Степан Ермаков уже более полугода пребывал на принудительном лечении в ЛТП. Анне, истосковавшейся по мужской ласке, в отличие от настойчиво домогавшегося ее тела скотника Леньки Щербухи, Федор очень понравился. Среди одиноких и овдовевших женщин разгорелось соревнование с интрижками, кознями, сплетнями и разного рода шпильками за место фаворитки. Лишь замужняя мать троих детишек доярка Зоя Растопырина, верная своему супругу энергетика Семену, с усмешкой наблюдала за сыр-бором. Подсказывала подруге Анне, как лучше привлечь внимание Головина и под убедительным предложением заманить его в гости.

Поселили Федора в комнате старого заброшенного общежития, в котором обитали десятка два одиноких постояльцев. Свой спартанский быт они скрашивали застольями с мутным самогоном или прокисшей брагой. Общежитие ожидало лишь осенью, когда из города на месяц прибывали сту-

денты на уборку фруктов, овощей и винограда. Тогда культурная жизнь в Романовке была ключом.

Студенты устраивали концерты художественной самодеятельности, вокально-инструментального ансамбля, норавли испортить сельских не целованных красавиц. Матерей охватывала тревога за своих наивно-доверчивых дочерей, пропадавших на дискотеке и танцах. Для девиц и ребят в каждой семье устанавливали режим – быть дома не позже десяти вечера. Но редко, кто ему следовал. Тогда в семьях с помощью ремня проводилась воспитательная работа. После прошлогоднего пребывания студентов три шестнадцати – семнадцатилетние девицы, любительницы дискотеки, забеременели.

Нередко происходили потасовки с местными ребятами из-за приглянувшихся девушек. Светлана вместе с подругами тоже бегала на танцы и теперь томилась в ожидания приезда студентов. Головин с первых же дней работы в КСП проявил свой бойцовский характер. Невозмутимо восседая за рулем колесного трактора МТЗ в сцепке с кормораздатчиком, он развозил по коровникам молочно-товарной фермы (МТФ) силос, сено, солому и мелкие корнеплоды для дойного стада.

Там рослого тракториста впервые заметила Вальчук. Оценив усердие Федора, первую очередь его трезвый образ жизни, управляющий отделением с согласия директора КСП «Светлый путь» Якова Абрамовича Дягеля, перевел за ры-

чаги гусеничного трактора. За смену на вспашке почвы Головин выполнял по две-три нормы.

Механизаторы над ним подтрунивали, называя наследником, внуком Паши Ангелиной, стахановцем-пахарем, но Федор предпочитал, чтобы его называли универсальным солдатом. Возгордился, когда в районной газете «Луч маяка» о нем была опубликована зарисовка «Борозда знатного пахаря».

Трудился, словно запрограммированный робот, даже обедал за рычагами Т-74 на вспашке или Т-150 на подъеме плантажа. Хвалился, что обедает без отрыва от производства, а то и на голодный желудок. Зарплата с премией была больше оклада бригадира Хвыли. Несмотря на требования членов бригады выставиться, то есть накрыть «поляну» или хотя бы маленькую «лужайку» с самогоном и нехитрой закуской, был непреклонен. Держался отчужденно и поэтому прослыл дикарем.

Через два месяца идиллия кончилась. Пышнотелые «конторские крысы» из финотдела подсчитали, что Головин своими рекордами основательно подрывает фонд заработной платы и премий. Денег может не хватить даже на третий квартал, а значит, счетоводам о премии за экономию средств, придется забыть.

Финансисты, не мудрствуя лукаво, в два раза увеличили для тракторной бригады нормы выработки на плантаже, вспашке, культивации и других видах полевых работ. Все

равно, поднатужившись, Федор, не оставался без премии. Механизаторы, которым за ним было не угнаться, потеряли в заработках, а премия вообще не «светила», глубоко задумались, почесывали затылки, сердито косясь на стахановца. Просили, требовали, чтобы он сбавил обороты. Головин, прикинувшись простаком, скалил крупные зубы с золотой фиксой в верхнем ряду.

Тогда долго решали, искали случая, чтобы устроить ему «темную». Инициатором экзекуции должен был стать Иван Колупай. Но подходящего момента все не было, а скорее всего трактористы, взирая на крепкую богатырскую фигуру Головина, не были уверены в успехе, опасались за последствия. Но терпению механизаторов наступал предел и рано или поздно коррида группы тореадоров с «быком— стахановцем», нарушившим их покой, становилась неизбежной.

Однажды Анна Васильевна, еще до знакомства с Федором, работая дояркой, пожаловалась подругам, что тяжело жить без хозяина в доме. Забор из штакетника подгнил от дождей, того и гляди, рухнет. Головин, подвозивший на тракторе «Беларусь» корм животным, подслушал этот разговор и в воскресный день зашел на подворье Вальчук. Он подметил для себя кареглазую со смуглым загаром женщину с юной симпатичной дочерью, но не мог найти повода для близкого знакомства. И такой неожиданный повод появился. Предложил Анне свои услуги, та с радостью согласилась, так как и сама проявила интерес к трактористу. В воскресенье

спозаранку, он с ящиком инструментов, ножовкой, топором, молотком и клещами появился у нее на подворье.

– Доброе утро, Анна!

– Доброе, очень доброе, Федор Егорович!

– Называй меня просто Федором или Федей без отчества, а то возгоржусь, – пошутил Головин. – Показывай, что надо отремонтировать, а то руки по домашней работе истосковались?

– Штакетник покосился, кое-где подгнил, на бане крыша, как решето, прохудилась, – посетовала женщина. – Без заботливого хозяина все рушится.

– Не беда, быстро отремонтируем, поправим, – заверил он, ласково глядя ей в глаза. Женщина покраснела, смущенно опустила голову. Он понял, что она давно томиться в ожидании мужской ласки.

– Федя, что вам приготовить на обед? – спросила женщина.

– Обед? Так я еще и пальцем не пошевелил, а уже предлагаешь ложкой поработать? – удивился он. – Сначала дело, а потом гуляй смело.

– Гостя, справного работника, положено сытно потчевать.

– Не привередливый, что сготовишь, то и съем, – усмехнулся Головин.

– Может, позавтракаешь?

– Спасибо, но прежде работа. Мне с детства внушили: кто не работает, тот не ест, – отозвался он. Анна отправилась на

кухню. Хлопоча у плиты, она посматривала в окно, наблюдая, как ловко, умело работает Головин. К тому времени от подруг она узнала, что Федор развелся с женой, застав ее с любовником при совокуплении. Но сдержал себя, не дал воли рукам. Измены простить не смог и уехал подальше, чтобы, как говорится, с глаз долой, из сердца – вон.

Между тем Федор играючи отремонтировал штaketник, вкопал новые железобетонные столбики от виноградной шпалеры, взамен подгнивших. Заменял треснувший лист шифера на крыше бани и с озорством признался:

–С удовольствием бы попарился в баньке.

– Приходи, – прошептала она с загадочным блеском в глазах. – Только чтобы никто из соседей не видел, а то по селу сплетни поползут.

–Боишься, что опозорят?

–Не боюсь, перед дочкой, Светкой стыдно будет.

–Ладно, не робей, я тебя в обиду не дам, любой черный рот заткну, – пообещал он. – Если не возражаешь, то я тебя буду звать Анютой? Анна звучит слишком официально, холодно, как на кладбище. Анята звучит нежно, ласково, сразу напоминает о ранних весенних цветочках анютиных глазках.

– Господь с тобой, называй, как тебе удобно, – согласилась она. – Только не напоминай о кладбище, а то негатив, как банный лист, пристанет. Врачи, особенно психотерапевты, рекомендуют думать о чем-то приятном, светлом, тогда в жизни будет сплошной позитив.

– Не верь эскулапам, этим ангелам смерти, – заметил гость. – Жизнь, словно морская тельняшка, состоит из черных и белых полос. У нас с тобой как раз белая полоса...

– Упаси нас от черных полос, – Анна перекрестилась и пригласила его на веранду. – Федя, вымой руки и за стол. Отведай, что Бог послал.

Головин последовал за ней и замер на пороге. Стол был накрыт белой с набивными розами скатертью. Над тарелками с украинским борщом с чесночными пампушками, пловом и картофельным пюре клубился пар. На блюдах были бутерброды с колбасой, салом и сыром, сливочное масло, сметана, творог, соленые огурчики, помидоры, салат из свежих овощей, крынка с парным молоком. Посреди стола возвышалась литровая бутылка с прозрачным, как слеза, первачом.

– Ну, хозяйюшка, вот мастерица, царский обед! – восхитился Федор. – Всю жизнь о такой жене мечтал. Надоело питаться всухомятку, наживать гастрит и язву.

– Кушай, смакуй, Федя, что Бог послал, – с поклоном предложила она. – Все свежее, домашнее, без нитратов и сульфатов. Молочные продукты от нашей кормилицы и поилицы коровки Майки. Так называли, потому, что в мае родилась. Выручает, когда деньги кончаются.

– Корова, коза и свинья в хозяйстве – главные кормилицы, а собака – защитник и сторож, но из мелкой живности, кролей, гусей, уток, цесарок и кур не обойтись – со знанием дела заметил гость. – Тебе надо пса завести, что какой вор или

маньяк ночью не забрел. А то ведь ограбит и насильничает.

– Была у нас лайка Диана. Отпустила ее на прогулку, какая-то зараза на дороге задавила.

– Кто именно?

– Никто не сознается, а транспорт у многих. У Дягеля, который носится, как летчик, пыль столбом, у Хвыли – мотоцикл, у других тоже колеса...

– Да, жаль суку. Если бы знать, кто ее задавил, то руки и ноги повыдергивал бы, – пригрозил Федор.

– Отболело, а Светка до сих пор печалится, – вздохнула она и, указав на стол, предложила. – Отведай картошечки с грибочками и сметаной. Вкуснятина, за уши не оттащишь.

– С грибочками ядовитыми, бледной поганкой, мухомором?

– Что вы, храни Господь?! – удивилась и смутилась она. – Даже в мыслях такого не было. Грибочки, одиобочки, сама их собирала в степи и на холмах. Съедобные, полезные, почитай, не уступают мясу.

В подтверждение не ядовитости, наколола на вилку пару грибов и отправила их в рот, усердно пережевала.

– Верю, верю, – рассмеялся Головин. – Шуток не понимаешь? Не бзди, Анюта, можно было обойтись без пробы, – усмехнулся Головин и последовал ее примеру. Вульгарно-пошлое «не бзди», что значило «не пускай дроздов», резануло ее слух, но Вальчук сделала вид, что не слышала, а для Федора оно было в порядке вещей. Он, работая желва-

ками, будто жерновами, охотно уминал картошечку с грибами и сметаной. Пережевав, пищу и заметил:

– Хотя еще не перевелись бабы, готовые отправить на тот свет и сплясать на крышке гроба.

– Скажи, кто такая? Я ей глаза выцарапаю, – возмутилась Анна.

– Она отсюда далеко. Бывшая жена, как собака на сене, и сам не гам и другому не дам. Не хочет разводиться, поэтому нахожусь в подвешенном положении. Без развода не могу заключить новый брак. Это мусульманам по Корану разрешено иметь четыре жены, а у нас многоженство запрещено. Церковь осуждает распутство, блуд.

Это известие женщину огорчило. Головин уловил перемену в ее настроении и с оптимизмом заявил:

– Не трусь, Анюта, для настоящей любви не существует преград. Обязательно прорвемся! Главное, чтобы здоровье не подвело.

– Поэтому, Федя, не робей, будь, как дома, Откушай, что пожелаешь? Сливочное маслице, творожок и сырок для укрепления мужской силы, – предложила она и загадочно улыбнулась.

– На этот счет не журишь. Мужской силы у меня, как у быка Демона, на всех коровушек и телушек хватит, – с бравадой промолвил он.

– Растрачивать силы, здоровье на всех не надо, – ревностно посоветовала Анна. – Следует найти свою единственную

и неповторимую женщину.

– Умница, прямо прочитала мои мысли, – похвалил Головин. – Дай я тебя, голубушка моя, обниму, и зацелую допьяна.

Не дожидаясь ответа, поднялся и страстно заключил ее в крепкие объятия. Ощутил, как затрепетало ее истосковавшееся по мужским ласкам тело, поцеловал в полуоткрытые мягкие губы.

– Ой, Федя, так и согрешить недолго, – Анна стыдливо одернула задрвшуюся на бедре юбку.

– Согрешили, покались, и полный ажур, – усмехнулся он и поинтересовался. – Где твоя дочка?

– Гостит у подруги Аси Хрумкиной.

– В каком классе учится Ася?

– Как и Светка восьмой закончила. Она продолжит учебу в школе, а дочку хочу устроить в техникум, чтобы и профессию, и среднее образование получила.

– Правильное, разумное решение, – похвалил он.

– Садись Федя за стол, в ногах правды нет.

Она наполнила хрустальные фужеры самогоном.

– Эту гадость я не потребляю, но за твою неземную красоту и сладкие губы выпью! – произнес он тост. – Давно горячего не хлебал, перебиваюсь всухомятку. А в столовой так вкусно не готовят. При холостяцкой жизни меню однообразное, не до разносолов.

– Почему не женишься? – озвучила она, донимавший ее

вопрос. – По тебе половина доярок, телятниц и птичниц сохнут.

– Половина, это мало. Свиаркам, наверное, не приглянулся?

– Приглянулся. Но ты чаще на МТФ, чем на СТФ работаешь.

– Тебе разве не приглянулся? – спросил он в лоб.

Она смущенно отвела взгляд в сторону и призналась:

– Одиноко, тоскливо без мужской опоры и ласки.

– Эх, Аннушка, ты мне с первого взгляда пришлась по сердцу, – промолвил он.

– Правда? – просияли ее глаза.

– Пошли в баньку, потрешь мне спинку? – неожиданно предложил Федор.

– Она не топлена, – растеряннo прошептала женщина, готовая покориться охватившему их желанию.

Неизвестно, чем бы закончилось пиршество, но появилась Светлана. Недружелюбно, холодно поглядела на гостя.

– Пора и честь знать, – насытившись, промолвил Головин.

– Сколько я тебе должна за работу? – спросила Вальчук.

– Нисколько, – ответил он. – Работа мне в удовольствие, к тому же ты мне очень любa». Не ожидавшая такого поворота событий, она смутилась, покраснела, как школьница.

– Спасибо тебе, Федор, – прошептала Анна и проводила его до калитки. – Кончай со своей холостяцкой жизнью. Ты мужчина видный, любая женщина за счастье посчитает

иметь такого мужа.

– Дельное предложение, – согласился он. – Я подумаю.

– Быстрее думай, годы ведь у нас уже не молодые, – невольно слетело у нее с языка тайное желание. Она смутилась пуще прежнего, ощутила румянец щек.

– Ой, Федя, прости, что я говорю, будто сама набиваюсь в жены?

– Правильно говоришь, – многообещающе улыбнулся мужчина. – Действительно, нам нет смысла терять время».

Головин выпил лишь один фужер. А вот борщ поел охотно и от добавки не отказался. «Здоровый мужик, а в столовой, какая нынче кормежка? К тому же он целый день в поле или на ферме», – по-женски пожалела она его.

Под предлогом попариться в баньке Головин зачастил в дом Вальчук. Выкраивал время, когда Светлана, находилась у подружки – одноклассницы Аси.

У вездесущих соседей появился повод разнести по селу весть о том, что у Анны появился хахаль, так как ее подворье под его умелыми руками преобразилось.

За три месяца он достроил начатую еще Ермаковым летнюю кухню, соорудил высокий навес над сеновалом.

И все бесплатно, если не считать обильные разнообразные блюда, женские хмельные ласки, которыми щедро одаривала его в бане изголодавшаяся, а теперь повеселевшая и помолодевшая доярка.

– Мам, что за дядька к нам повадился и смотрит, словно

кот на сметану? – однажды спросила Светлана, уставшая отбиваться от подруг, поздравлявших ее с появлением нового папочки.

– Не к нам, а ко мне, и смотрит он на меня. Тебе еще надо подрасти, набраться ума, чтобы мужики глаза пялили. Федор Егорович Головин – не дядька с водокачки, а механизатор широкого профиля, передовик производства, ударник труда. Добрый человек, мастер золотые руки. Отремонтировал ограду, залатал кровлю на бане. Как не уважить такого человека...

– Зачем он нам нужен. У меня есть отец Степан, а этот чужой, – хмуро произнесла дочка. – Подруги в школе надо мной насмеются. Говорят, что завела отца-бугая.

– Не обращай на них внимания. Они из зависти вредничают, – заметила Вальчук.

– Ты же сама говорила, что больше ни с кем из мужиков не свяжешь судьбу? – напомнила Ермакова.

– Эх, Светка, ты еще ребенок и не знаешь, как одиноко и тоскливо жить без мужчины, – вздохнула мать. – Повзрослешь, поумнееешь и сама это испытаешь и поймешь.

– Значит, он к тебе в женихи набивается?

– Он работающий, непьющий, хорошо зарабатывает, чего еще от жизни ждать? Годы, как птицы летят, – уклонилась она от прямого ответа. – И получает он не меньше директора нашего сельхозпредприятия «Светлый путь». Нам деньги нужны на твою свадьбу с Андреем.

– Не нужны нам чужие деньги. Я напишу отцу письмо о твоих коварных планах, – пригрозила дочка.

– Не смей! Это мое личное дело. С твоим отцом Степаном я в разводе, поэтому считаю себя свободной женщиной. Лучше готовься к поступлению в техникум, чтобы не пришлось, как мне, коровам хвосты крутить.

Обиженно поджав губы, Светлана удалилась в свою комнату. Ей было жаль отца, место которого норовил занять мрачный верзила с обувью сорок седьмого размера.

2. Проверка на верность

«Наверное, все мужики отличаются непостоянством, ненадежностью, – проводив до калитки Головина, размышляла Вальчук. – Сколько их, как того волка, не корми, а в лес смотрят, норовят подмять под себя очередную бабу, испытать кайф. У них семь пятниц на неделю, глаз да глаз нужен, чтобы какая-нибудь юная соперница не увела со двора, как цыган, коня. Может и Федя со мною, как с Чечулей, неделю-другую поматросит и бросит, опозорит на все село. Стоит ли ради нескольких минут наслаждения, рисковать своим добрым именем, репутацией? Да та же Катька первой меня «прославит», черным дегтем ворота вымажет. Надобно Федю проверить, испытать, насколько сильны его чувства ко мне? На что он способен, ради моих прелестей?»

И придумала. Через неделю в воскресенье Головин по-

явился во дворе, она его, как дорогого гостя, усадила за стол, сытно накормила и напоила.

– Спасибо тебе, Аня, за хлеб и соль, – произнес Федор, поглаживая массивный живот. – Эх, теперь бы, после сытного обеда, жирок бы в бане согнать...

С вожделением поглядел ей в глаза, перевел взгляд на пышную грудь, крепкие бедра. Анна смутилась столь откровенного намека, и, потупив взор, посетовала:

– По хозяйству не успеваю, работы непочатый край. Надобно коровник почистить, а то Майка в кизяке тонет. Несколько раз просила Светку, чтобы прибрала, так она и слушать не желает, закрывает уши ладонями. Боится провозить навозом и кизяком с головы до пят. Сметану, молочко, творожок уминает за обе щеки. Потом надо навоз на огород вывезти, а осенью разбросать. Это ценное органическое удобрение для урожая, лучше суперфосфата и селитры.

–Знаю, что лучше, – подтвердил Федор и властно велел. – Показывай свое хозяйство, объем работы.

Радуюсь, что план удался, она провела его к крытому шифером коровнику. У ворот возвышалась куча слегка подсохшего на солнце навоза. Федор заглянул в помещение со стойлом и кормушкой для Майки, которая находилась на пастбище, удрученно покачал головой:

– Да, запустили коровник, чистого, сухого места нет, чтобы ступить. Кизяк, жижа. Давай вилы, совковую лопату и тачку.

Анна охотно предоставила инвентарь, а чтобы не натер ладони до мозолей, вручила строительные рукавицы и пожелала:

– Бог в помощь.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – усмехнулся он. Засучил по локоть рукава рубахи, надел рукавицы, вооружился вилами, закипела работа. От разворошенной кучи резво побежали жирные жуки, сердито заворчали изумрудно-зеленые мухи. Резко ударил в ноздри запах аммиака.

– От меня будет разить, как от навозной кучи, – сухо промолвил Головин.

– Пока ты трудишься, я истоплю баньку с березовыми и дубовыми веничками, – пообещала Анна. – Импортной шампули купила. Неприятные запахи, как рукой снимет. Вот только крыша во время дождей протекает...

– Банька, это замечательно, хорошо придумала, – похвалил он. – То, что кровля течет, невелика беда, залатаю. Дело знакомое, не хитрое.

– Залатай, залатай, я тебе отблагодарю, заплачу или продуктами рассчитаюсь, – пообещала хозяйка.

– Я не бомж с протянутой рукой, милостыню не принимаю, – хмуро заявил Головин. – Зарплата и премии позволяют вкушать балык из краснюка, бутерброды с черной и красной икрой.

– Нисколько не сомневаюсь. Извини Федя, я не хотела тебя обидеть, – покаялась Вальчук, пояснила. – Холостяки

обычно неспособны устроить свой быт, не любят возиться на кухне у плиты. Поэтому питаются, чем попало и часто страдают из-за расстройств кишечника-желудочного тракта. Извини, то запор у них, то жидкий стул...

– Это ко мне не относится, я не прихотлив, любой корм в коня, – произнес он. – Лучше, как Катька Чечуля, рассчитайся натурой.

У Анны лицо полыхнуло румянцем. Федор подметил ее смущение и деловито сообщил:

– Что ты, Аня, будто школьница? Нечего стыдиться, все мы, мужики и бабы, из одного теста. Господь создал каждой твари по паре, чтобы наслаждались и размножались. Если бы это занятие не было столь приятным, то все живое на земле давно бы вымерло. Не робей, если не хочешь, то неволить не стану. Других баб, одиноких, да и замужних, в Романовке и окрестных селах, в райцентре, много. Не откажут, накормят, напоят и согреют. У меня в селе достойных соперников нет.

– Нет, ты самый завидный жених, – подтвердила Вальчук и посетовала. – По статистике женщин всегда больше, чем мужчин, поэтому те, кого Господь обделил красотой, не выдерживая конкуренции, вынуждены страдать от одиночества.

– Ты тоже страдаешь?

– Приходится, не повезло со Степаном, – призналась она и с гордостью изрекла. – Уж лучше быть одной, чем с кем попало. Мне бы такого молодца, как ты, то и горя бы не зна-

ла. Охотно бы заплатила натурой много-много раз.

– Так в чем проблема? – воспрянул он.

– Лишь в том случае, если мы распишемся в ЗАГСе, обвенчаемся в церкви Покрова, и ты насовсем перейдешь ко мне жить.

– Что скажет Светка?

– Куда она денется. Еще молоко на губах не обсохло, чтобы меня осуждать, – усмехнулась Анна. – Я имею права устроить личную жизнь. Ты ведь на мне женишься, а не на ней?

– Конечно, на тебе. Ох, Аня, не люблю я бюрократию, церемонии, хождения по инстанциям, – признался он. – Прежде, чем на тебе жениться, я должен получить развод от первой жены Серафимы. На это потребуется не один месяц. Вдруг она заартачится, вздумает меня возвратить, ведь такие, как я, мужчины на дороге не валяются, почитай, на вес золота...

– Да, на вес золота, – повторила она.

– Глупо ждать манны небесной, отказывать себе в земных радостях, терять время, которого у нас немного, – уговаривал Головин. – Обязательно распишемся и обвенчаемся, а пока проживем в гражданском браке. Кого и чего нам стыдиться, поди, не по восемнадцать лет? Разное на своем веку повидали и испытали. Кому какое дело до того, кто с кем ты спишь?

– Не хочу, чтобы старушки на лавочках тыкали пальцами

и называли меня гулящей и пропащей.

– Ха-ха-ха, нашла праведниц, – рассмеялся Головин. – Думаешь, они безгрешны? Наверняка в молодости и зрелости гуляли напропалую, перебесились и теперь языками чешут, завидуют молодым. Отгуляли свое, перегорели, осталась труха, поджидают барыню-сударыню с острой косой. Может божьим одуванчикам и хочется, да кому они нужны? Разве, что Ванька Колупай и его кореша по пьяни готовы на ползти.

Еще усерднее заработал то вилами, то совковой лопатой, загружая навозом тачку. Вывозил его на огород, складировав в кучки.

3. Змей-искуситель

В течение полутора часов Головин вычистил дощатый настил в коровнике и, вытирая со лба пот, довольный собою, произнес:

– Упарился, семь потом сошло, зато теперь на подворье чистота и порядок.

– Спасибо, Федя, дюже ты нам помог, – защебетала Вальчук. – Даже не знаю, чем и как тебя отблагодарить? Но сначала в баню.

Она подала ему большое полотенце.

– Анюта, кто мне спину потрет? – смутил он ее вопросом.

– Мочалка, венички, мыло и шампунь в предбаннике, –

сообщила она.

– Не годится, – стоял на своем Федор. – Баня без женщины все равно, что брачная ночь без невесты. Собирайся, вместе попаримся. В Европе давно заведены смешанные бани. И на Руси с давних пор мужики и бабы мочалили друг другу спины. Никто из-за этого в обморок не свалился и не околел.

Вальчук колебалась, решая, дать согласие или наотрез отказать от неприличного предложения? «Если я проявлю упрямство, то Федя обидится и забудет дорогу в мой дом. Такого завидного жениха тут же перехватит Чечуля», – размышляла Анна.

– Не бойся, если сама не захочешь, то я приставать не стану. В селе много страждущих баб. Для меня женщина – святое, уникальное создание, – признался он и ей эти слова понравились. «Культурный, сдержанный человек, – оценила она. – Иной, заросший щетиной мужик при виде голой женщины шалее, глаза, будто у быка Демона наливаются кровью, и сразу наползает, требует сексу. А Федя ведет себя прилично, уважает мою честь и достоинство. Как такого мужчину не полюбить душой и телом. Если попросит, то охотно дам. Поработал в поте лица своего и заслужил большой благодарности»,

Анна психологически готова была уступить его вожделению, но решила не сдаваться, чтобы у Головина не возникло иллюзии о легком доступе к ее телу.

– Федя, давай для раскованности выпьем граммов по сто-

двести первача? – неожиданно предложила она. – Прозрачный, словно детская слеза и горит синим пламенем.

– Не увлекаюсь, но за компанию выпью, – согласился он. Анна приготовила несколько бутербродов с салом и сыром, из хрустального графина наполнила стаканы прозрачным напитком.

– Будем здоровы! – провозгласил Головин. Выпили, закусили и отправились в баню, что в тылах подворья.

В предбаннике, обозревая атлетически сложенную, могучую и породистую фигуру Федора, Анна с восторгом произнесла:

– Аполлон, вылитый Аполлон!

– Кто твой елдарь? – уколол ее ревностным, словно рапира, взглядом.

– Скульптура такая. В учебнике по древней истории мира увидела.

– Наверное, коротышка?

– Чуть меньше тебя ростом.

– Тогда Аполлон мне в подметки не годится, – гордо изрек Головин. Она заметила на его руке татуировку из четырех синих букв СЛОН.

– Федя, странно, обычно мужчины накалывают имя любимой женщины, а у тебя животное?

– Довелось три года потрудиться в зоопарке, а потом в цирке, – сообщил он. – Помогал дрессировать слонов. Сильные и умные животные. Индусы их используют в качестве

подъемных кранов и грузовиков. В древние времена слоны были вроде бронетехники, наводили панический ужас на конницу и пеших воинов.

– Ты же рисковал здоровьем и жизнью, – обеспокоилась она. – Слон мог схватить хоботом и разбить о землю.

– Не обошлось без трагедии с одним из дрессировщиков. Он ударил слона кнутом за то, что тот навалил на арене огромную кучу. Слон озверел и затоптал обидчика, – подтвердил Головин. – Но я смог обуздать его злобный нрав. Поэтому укрощение самой неприступной женщины для меня не проблема.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась она, не отводя глаз от большого фаллоса. – Теперь понимаю, почему к тебе бабы липнут, как мухи на мед.

– Что же ты, не липнешь, ждешь особого приглашения?

– И меня хочешь укротить и покорить?

– Ты тоже не исключение, – усмехнулся он.

– Федя, чтобы понапрасну, как поется в романсе, раньше свадьбы не искушать друг друга, я, не раздеваясь, потру тебе спину. Потом, опосля тебя, отдельно покупаюсь, попарюсь.

– Это, еще что за фокусы-покусы? Не баня, а порнография, – возмутился Головин. – Аня, не ломай комедию, не зли меня. Было бы тебе лет пятнадцать-шестнадцать, тогда другое дело, а то ведь уже давно женщина, дочку не от святого духа родила. Живой организм, плоть требуют разрядки.

Федор пристально глядел на нее водянисто-серыми глаза-

ми, будто гипнотизируя. Она слышала его вкрадчиво-усыпляющий и тягучий, словно мед, голос:

– Анюта, голубушка, хорошенько подумай и сама поймешь, что я сто раз прав. Глупо, особенно в наши зрелые годы, отказывать себе в земных наслаждениях и радостях. На том свете они не предвидятся. Зачем беречь и холить тело, эту временную оболочку, скорлупу для души, если оно все равно, рано или поздно сгниет, превратиться в корм для червей? Не могу понять мотивы недотрог, старых дев, обрекших себя на серое прозябание из-за сомнительных и нелепых принципов целомудрия и непорочности. Считаю, что порочны, дефектны именно те, кто перечит законам природы, кто не производит на свет себе подобных существ.

Вальчук обомлела, призадумалась: «Федя по-своему прав, сколько той жизни осталось? Со Степаном не прожили, а потеряны самые лучшие годы. До роковой черты осталось каких-нибудь тридцать, а может и меньше лет. Человек предполагает, а небесная канцелярия решает, кому и сколько лет отпустить на грешной земле?

Одних наказывает смертельными болезнями, других – несчастными случаями, а везунчикам сулит долголетия и блага. Не понять, кто у Господа в почете, праведники или грешники, кого он чаще к себе забирает? Хотя цыганки и сербиянки приноровились гадать по линиям на ладонях, но и им неведома судьба человека.

Сегодня живешь, а завтра кирпич или ледяная сосуль-

ка упала и расколола череп, как грецкий орех и человека нет. Труп, ни звука, ни шевеления. Поэтому надо торопиться жить в удовольствиях и радостях, черпать мед не чайной, а столовой ложкой-поварешкой. Если попросит и будет настаивать, то дам ему полакомиться медом и сама испытаю блаженство».

–Что надумала?– оборвал он ее размышления.

– Согласна, согласна, – со вздохом ответила Анна.

–Тогда снимай свой балахон, живо раздевайся и в парную! – весело приказал он.

– Стыдно, совестно, – смутилась она.

–Взрослая женщина, а ведешь себя, как недотрога, – упрекнул Головин. Взял инициативу в свои руки, помог ей раздеться догола. Анна предстала перед ним в великолепии зрелой женской красоты. Волосы водопадом сбегали на плечи и пышную грудь с коричневыми ободками сосков. Она сохранила стройность и гибкость тела, тонкую талию, в меру упругий живот. Смущаясь, прикрыла ладонью ворсистый лобок.

–Анюта, какая ты аппетитная и сочная! Так и хочется тебя обнять и расцеловать с головы до пят. Кровь в моем теле бурлит и кипит! – восхитился Федор. – Давай-ка, порадуем друг друга?

Она обрадовалась его предложению, но сделала вид, что не услышала. Головин зачерпнул из бака ковшом воду и плеснул на раскаленные добела камни. Зашипела вода и ока-

тила их тела горячим паром.

–Ложись на лавку, угощу тебя горячим веничком, – велел он

Анна легла животом вниз на лавку. Федор принялся аккуратно хлестать ее березовым веником по спине, ягодицам, ногам. При этом приговаривал:

– Анюта, ты дивное сокровище. Давай-ка порадую веничком твой чудесный животик.

Она, изловчившись, перевернулась на спину. Стыдась, закрыла ладонями лобок.

–Руки по швам! – властно приказал, нахлестывая березовыми листьями, живот, овальные бедра. – Не робей, я твое гнездышко не сглазу, а поглажу.

Анна, будто повинувшись какой-то неведомой силе, со вздохом отчаяния, убрала ладони с лобка. Почувствовала трепет его шаловливых пальцев. Они ласкали, теребили, проникая в ее нежную, чуткую плоть. Она ощутила непреодолимое желание. С ее горячих губ сорвалось:

–Хочу, хочу..., бери меня...

Федор только и ждал этого призыва. Осторожно опустил-ся сверху, раздвинул ее ноги. Вальчук прижалась к нему упругим, истосковавшимся по ласкам телом. Затрепетала от неукротимого желания и нарастающей страсти. Головин действовал азартно, все глубже проникая в ее изголодавшуюся, влекущую плоть. Вскоре, вскрикнув и застонав, Анна затрепетала в экстазе сладостного оргазма.

– Как хорошо, как сладко, – с восторгом шептала она, отдавшись по власть опытного самца. – Давно не знала такого блаженства. Ах, ты змей-искуситель, сердцеед

– Если я искуситель, то ты умелая соблазнительница, – отозвался он. – Нельзя быть красивой и сладкой такой. Вот мы с тобой и породнились. Теперь ходу назад нет.

– Да, нет, только жениться, чтобы снять с души грех. Это ж такая сладкая отравка. Не устояла перед искушением, до свадьбы отдалась, – смежив ресницы, шептала Вальчук. – прости меня, Господи.

– Какая же ты грешница, – усмехнулся Федор, лаская широкой ладонью ее пышную грудь. – Грешница та, что впервые легла под мужика, а ты давно объезженная маруха.

– Маруха? Какая еще маруха, я с рождения Анна?

– Значит, жена, – замялся он, не раскрывая смысл редкого в обиходе слова.

– Все-таки, я грешница, не устояла перед твоими чарами.

– Это ты меня соблазнила своими пышными, аппетитными формами, кровь в жилах закипела, сперма в башку ударила, – возразил он.

– Господь меня покарает, – продолжила она самоуничтожение.

– Не покарает. Он сам создал каждой твари по паре, чтобы слипались и размножались в свое удовольствие.

– Федя после того, что произошло, мы должны расписаться в ЗАГСе, обвенчаться в церкви и сыграть свадьбу, чтобы

перед людьми не было стыдно, – наставляла Вальчук.

– Анюта, не суетись, суета нужна при ловле блох. Стыдно тому, у кого видно. Кому, какое собачье дело до того, чем мы занимаемся. Может, клопов и блох давим. Главное, что нам наедине сладко. Давай еще разочек?

Головин изготовился к очередной штыковой атаке, но Анна, прикрыв ладонями промежность, встала с лавки.

– Ишь ты, понравилось, – произнесла она. смежив воловьи с поволокой глаза.

– Тебе, что в тягость? – удивился он.

– В сладость, – призналась Вальчук и, с трудом преодолев искушение, напомнила:– Не все коту масленица. Попарились, сбили оскмину, и будя. Быстро одевайся, скоро появится Светка. Вдруг застанет нас нагишом. Упаси Господь.

– Где сейчас дочь?

– Гостит у Аси Хрумкиной.

Интуиция Вальчук не подвела. Через десять минут после того, как покинув баню, они пили чай с малиной и клубникой за столом в летней веранде, вошла Ермакова. С удивлением и настороженностью, забыв о приветствии, поглядела на крупного мужчину.

– Света, присядь за стол, вместе почаяевничаем, – пригласила Анна, но дочь осталась стоять у порога.

– Познакомься, Федор Егорович Головин, механизатор широкого профиля, ударник труда. Он у гендиректора Дягеля на хорошем счету. Не пьет, не курит.

. Гость встал, широко улыбнулся и подал громоздкую руку.

– Вижу, каков ударник труда с ложкой-поварешкой, – дерзко заметила девушка. Резко отвернулась и исчезла за дверью своей комнаты. Головин недоуменно развел руками.

– Федя, не обижайся, не обращай внимания на ее заскоки. Молодо-зелено, еще ветер гуляет в голове, молоко на губах не обсохло. Упрямым характером в отца уродилась, а красотою в меня.

– Да, очаровательная у тебя дочь, – польстил он. – И характер, палец в рот не клади откусит. Но это намного лучше, чем вялая и флегматичная кукла с куриными мозгами. Спасибо за угощение и хмельные ласки. Пора и честь знать.

– Федя, признайся, на какой срок решил со мной связать судьбу? Или, как бабник, поматросил и бросил? – с тревогой спросила Вальчук. – Мне такой ветреный ухажер не нужен, позора и сплетен не оберешься.

– Не бойся, ты моя последняя любовь, как говорят, до гроба, – ответил он.

– Так уж и последняя? – усмехнулась она. – Некоторые бабы считают тебя альфонсом?

– Твои бабы спятили, белены объелись. Альфонс – это паразит, нахлебник, живущий за счет женщин, а я их кормлю, пою, подарки дарю и ублажаю.

– Если не альфонс, то перекаати-поле. Носит тебя, словно колючку перекаати-поле, по степи, от одной бабе к другой.

– На что намекаешь? – напрягся Головин.

– Совершенно случайно узнала, что до встречи со мной, ты дни и ночи напролет проводил с Катькой Чечулей. Тебя там бабы несколько раз застукали. Значит, она тебя приворожила, серьезный роман?

– Детские шалости, Не бери в голову, не шибко парься, с ней разошлись, как в море корабли, – усмехнулся он. – Ты не девочка, надобно уже понять, что мужику без бабы, как и бабе без мужика, жить тоскливо и одиноко, плоть требует радости и сладости. Пока человек жив, ему хочется сексу. Я – не монах, не евнух. Порадовали с Катькой друг друга и разбежались, не все кошке масленица.

Этот ответ удовлетворил Вальчук, хотя осталась тревога о том, что Федор с такой же легкостью может заявить, что и с ней пошалит от скуки.

Головин тяжело поднялся из-за стола

– Когда мы еще увидимся? – прошептала Анна.

– Хоть завтра, как пионер, всегда готов.

– В воскресенье в семь часов вечера, – назначила она свидание.

– Не забудь истопить баньку, – напомнил он и страстно поцеловал в припухшие губы. Женщина проводила его до калитки. «Федю я никому не отдам», – твердо решила она.

Подруги донимали Анну колкими вопросами. Все уши прожужжали, допытываясь, спит она с Федором или нет? Советовали быстрее выйти замуж, иначе отобьют, уведут му-

жика, как цыган коня. Она лишь загадочно улыбалась, оглаживая ладонями свои крутые бедра и по внешним признакам, ее облику и настроению нетрудно было догадаться, что у них завязался бурный роман с медовым месяцем. Вечерами, лежа в постели с безмятежно спящей дочерью, Анна стала подумывать, чтобы развеять сплетни и не давать пищу злым языкам, о новом замужестве. Ей претило в глазах односельчан и особенно дочери, прослыть женщиной легкого поведения, блудницей.

«Со Степаном жизнь не сложилась, сгубило пристрастие к водке и «зеленому змию». Только и успели, что дочь народить. Неужели ставить крест на личной жизни и ночами мечтать об очередной тайной встрече с пылким и желанным любовником? – размышляла Анна. – Федор – мужик крепкий, в карьерах не выработанный, лишь на два года старше меня и еще способен радость доставить, детишек сотворить. Глупо отказываться от женского счастья».

К ней возвратилось ранее, было угасшее чувство влечения. Она стыдливо опускала взор, когда Федор, горя желанием и сдерживаемый присутствием Светки, нечаянно прикасался к ее руке или задевал колено. Это касание было словно ожог, как тайный знак, призыв к интимной близости. С трудом сдерживала себя от ответного порыва страсти. Много ли она нежности и ласки испытала. Сдержанный и немногословный Головин события не торопил, довольствуясь тайными встречами. Анна, посоветовавшись с сестрой Лидой,

когда та чувствовала себя неплохо, первой сделала шаг навстречу. «Переходи ко мне жить, Федя, а то сплетни по селу бродят о наших тайных отношениях, не хочу прослыть гулящей бабой,— предложила она ему и добавила. — Разве тебе не надоела общага?»

«Надоела, — с радостью признался тракторист. — Я и сам давно хотел попросить тебя об этом, но не решался. Боялся, что откажешь, дашь от ворот поворот. Нравишься ты мне очень, Анюта. Приворожила с первой минуты, особенно после баньки. И дочка у тебя загляденье, невеста на выданье».

«Рано ей еще о женихах думать, молоко на губах не обсохло», — заметила она, обрадовавшись его признанию.

Вскоре после этого объяснения Головин, собрав свои скромные пожитки, переселился в дом Ермаковых. Решили жить пока в гражданском браке, без юридического оформления, а там жизнь покажет, насколько сильны и долговечны чувства. На этом настоял Федор и по характеру добрая, покладистая Вальчук согласилась.

Знать людская молва не осудит. Оба взрослые, порядочные люди, а штамп в паспорте — чистая формальность. Светку, недовольную, ставшую замкнутой и раздражительной, мать переселила в соседнюю комнату и продолжила делить брачное ложе с новым супругом.

К ней словно вторая молодость пришла. Грусть — печаль, постоянная утомленность сошли с ее лица. В глазах, в движениях и жестах появились кокетство и загадочность. По-

худела и это раскрыло в ней женственность. Стала больше следить за своим внешним видом, для сохранения свежести лица часто умывалась парным молоком и огуречным соком. Словно десяток лет, под тяжелой ношей которых жила, сбросила с плеч.

Подруги, игриво ощупывая ее живот, подтрунивали: «Когда в нашем полку прибудет? Хороший мужик, как скульптор, женщину лепит. Везучая ты, Аня, в надежные сильные руки попала, такого мужика отхватила. Роди от него и тогда свяжешь ребенком по рукам и ногам, чтобы не сбежал. До гробовой доски будете вместе. Благодарю судьбу, а то сих пор горемыкой мыкалась бы с горьким пропойцей».

Она лишь затаенно улыбалась в томительном ожидании вечера и ночи, когда после жаркой баньки с березовыми или дубовыми веничками окажется в белоснежной постели рядом с сильным и нежным Федором. Но нередко в пылу неудержимой страсти они предавались любви и в бане на широкой лавке. Он большой шершавой ладонью ласкал ее пышную грудь, она с упоением отдавалась.

Порой ей казалось, что она пресытилась его любовью. Но наступала ночь и снова горячим телом жадно, неистово прижималась к нему, стремясь восполнить упущенное в прежние годы. Ее не оставляло напутствие подруг: «Забеременей от Федора и дитем привяжешь его к себе до гробовой доски. Будешь за ним, как за каменной стеной. Мужик, что надо, трудолюбив, не пьет, не курит, за бабьими юбками не воло-

чится. Такой нынче – большая редкость, поэтому руками и зубами держись за него, чтобы не отбили соперницы. Отцовство для мужчины, что якорь для корабля».

Вальчук, вняв советам, решила не откладывать в долгий ящик, поэтому каждую ночь, не предохраняясь, отдавалась ему со страстью и упоением опытной и ненасытной жрицы.

События нескольких недель жизни с Головиным, как в калейдоскопе, промелькнули в ее сознании. Сейчас Анна Васильевна вдруг поймала себя на мысли, что грешно думать о сладострастии, когда сестра лежит на смертном одре. Краска смущения прилила к ее лицу.

4. Заботливый Федор

Анна вспомнилось, как перед тем, как отправиться в путь она вместе с дочкой парилась в бане. За делами и хлопотами не заметила, как Светка повзрослела. Озирая с головы до пят ее стройную, гибкую фигуру, с восторгом произнесла:

– Какая ты у меня ладная и пригожая, в меня уродилась!

– Нет, в отца, – возразила девушка.

– Эх, заноза, не смей перечить, – мать нежно хлопнула ее по розово-белой ягодице и заметила. – Красотой в меня, а характером в Степана. Упрямая, как Степан. Лучше признайся, Федор к тебе пристаёт, али нет?

– Нет, я его боюсь.

– Эх, ты, глупая, его надо не бояться, а уважать, как главу

семьи, моего мужа.

– Какой он муж, если ваш брак не зарегистрирован в ЗАГСе?

– Много ты знаешь. Еще не вечер, вот вернусь с похорон и официально поженимся, – уверенно промолвила Анна. – Будь добрее, хоть раз назови его папой. Язык не отсохнет.

– Этого еще не хватало, у меня есть настоящий отец, я его ни на кого не променяю, – твердо отозвалась дочь.

– Алкаш, всю мою жизнь сломал, – вздохнула Анна. Еще раз оглядела прелестное с выпуклостями тело дочери:

– Как бы ты к Феде не относилась, но не смей ему глазки строить и заигрывать.

– Даже в мыслях такого не было. Что ты со своим Федором привязалась, у меня есть Андрюша.

– Жених далеко на службе, а кровь девичья уже бурлит, – заметила мать и стыдливо замолчала. Вспомнила, как в неполные восемнадцать лет, встречаясь со Степкой, впервые на сеновале вкусила «райское яблочко» и пошло-поехало, уже не могла устоять от искушения. На третьем месяце беременности, чтобы избежать позора и сплетен, они со Степаном сыграли свдьбу. «Неужели сбудется поговорка о том, что яблоко от яблони недалеко падает. Господи, сбереги Светку от ошибок и печальной участи».

– Мам, о чем ты задумалась? – спросила дочь.

– Много будешь знать, быстро состаришься, – отмахнулась Анна. Боясь опоздать на поезд, она отложила ликбез для

дочери о том, что надо строго и осторожно вести себя с парнями, которые норовят любыми хитростями испортить девушку. «После возвращения обязательно поговорю с дочерью на эту деликатную тему, – решила она. – А сейчас недосуг, образ покойной сестры стоит перед глазами, застит их слезами».

С розовощекими лицами, бодрые, они предстали перед Головиным.

– С легким паром! – радушно приветствовал он и жестом указал на стол. – Прошу, сударыни, как сказал герой одной популярной кинокомедии, кушать подано...

...идите жрать, – продолжила известную фразу из кинокомедии «Джентльмены удачи» девушка и звонко рассмеялась.

– К вам это не относится, – заверил мужчина.

На столе в мисках парил суп, на блюдах – сыр, колбаса, сало, салат, соленые огурчики и маринованные грибы, в центре – графин с вишнежкой и бутылка с первачом.

– Любезно прошу отведать, чем богаты, тому и рады, – повторил приглашение Федор и налил в рюмку Светланы вишневый напиток, а Анна свою рюмку прикрыла сверху ладонью.

– Мне в дорогу, нельзя, а то развезет и еще проводник из вагона выставит, – сказала она.

– Аня, граммов пятьдесят для снятия стресса не повредят. Первач двойной перегонки, чистый, как слеза. Это лучше

успокоительных таблеток, вредной для здоровья «химии».

– Федя, пожалуй, ты прав. Лучше первач, чем «химия», – согласилась она. – Сказывают у людей, которые лечились химией, волосы выпадают, они становятся лысыми, как Фантомас.

– Да, Аня, не только волосы, но и зубы выпадают, а мужчины становятся импотентами. Никакая виагра, импаза и бабка-ворожейка не помогут. Радионуклиды очень опасны, лучше всего их нейтрализовать вином Каберне или водкой, – поддержал ее супруг и пояснил. – Те из ученых-физиков, кто после ядерных испытаний, получив повышенную дозу облучения, выпили водку или спирт, остались живы, а кто поскромничал из-за вшивой интеллигентности, давно уже сгнил в сырой земле.

Он наполнил ее рюмку чистым самогоном «спотыкач» собственного производства и предложил:

– Давай-ка, выпьем за здоровье твоей сестры Лиды, чтобы этот проклятый рак от нее отстал и никогда не возвращался. Пусть у нее все сложится благополучно.

Он с Анной выпили самогон, а Светлана вишневку, подобный ликеру, напиток из сока ягод. Закусили.

– Федя, я тебя попрошу присмотреть за дочкой, чтобы она с парнями не загуляла, у нее с весны бурлят гормоны, – сообщила женщина. – Пусть строго соблюдает режим, чтобы не позднее девяти часов вечера была дома. Ей есть, чем заняться, а не бить баклуши. Когда справится по хозяйству,

пусть готовится к экзаменам, гульки-танцульки знаний и ума не прибавят и к добру не приведут.

– Мама, я не хочу быть затворницей, белой вороной, когда мои подруги ходят на дискотеки, на концерты, – возмутилась девушка.

– Не перечь, у тебя сейчас самый опасный возраст. Вокруг тебя ребята выются, словно мухи или осы возле меда. Из-за любопытства и по неопытности наделаешь глупостей, опозоришь себя и нашу семью. Может, со мной поедешь, чтобы я за тебя была спокойна? Федя здесь сам управиться.

– Мам, ты же знаешь, что я не переносу слез и рыданий.

– Светка, не каркай, как ворона. С чего ты, глупая, взяла, что обязательно будут слезы и рыдания? Упаси Господь.

– Смутное ощущение, тревога.

– Аня, не надо травмировать неокрепшую психику ребенка, – вступился за падчерицу отчим. – Думаю, что мы с дочкой подружимся, поладим и, когда ты возвратишься, в семье будут царить любовь и согласие.

Светлана кивнула прелестной головой с мокрыми волосами, хотя и резануло ухо обращение «дочка», но девушка решила не усугублять ситуацию. Вальчук обратила внимание на слово «ребенок», вспомнив, как великолепно этот ребенок выглядит в обнаженном виде – стройные ноги, тонкая талия, упругая грудь, округлившиеся бедра, шелковистый мысок...

Но не стала разубеждать супруга, пусть он к Светке отно-

сится, как к ребенку и тогда не будет риска для соблазна.

– Спасибо тебе, Федя, за поддержку, ты настоящий муж, тонко чувствующий женскую душу и тревогу, – ласково призналась женщина.

– Однако, Аня, надо поторопиться. Хотя до райцентра и вокзала полчаса езды, но необходим запас времени, – напомнил Головин и наполнил рюмки. – Давайте, на посошок по маленькой.

– Федь, а вдруг инспектор ГАИ заставить дыхнуть в трубку и она позеленеет?! – встрепелась Анна, посетовав, что следовало предупредить еще перед первой рюмкой.

– Не трусь, Аня, прорвемся, не впервой. Заем луком и чесноком, занюхаю табаком, убивающим запахи спирта, водки, вина и самогона, – самоуверенно заявил он.

Выпили, закусили. Вдруг Анна о чем-то вспомнила, поспешно обернулась к дочери:

– Выйди-ка на минутку, мне надо с мужем пошептаться.

Светлана нахмурилась, фыркнула, но не посмела ослушаться и вышла на веранду. Анна вполголоса, чтобы даже стоя за дверью, Ермакова не смогла расслышать, о чем идет речь, произнесла:

– Федя, Всевышним, нашим Спасителем умоляю тебя, не спускай со Светки глаз, держи ее в строгости. На дискотеку и танцы отпускай только вместе с Асей Хрумкиной. Она из хорошей семьи, отличница, девушка скромная, удержит от дурных поступков. Установи строгий режим, чтобы не позд-

нее девяти часов вечера была дома. Если у тебя после работы будет время, не шибко устанешь, то и сам ради интереса и контроля украдкой проберись на дискотеку. Проследи, с кем из ребят Светка заигрывает, чтобы, упаси Господь, до возвращения Андрея из армии не согрешила, не опозорила нашу семью.

Давеча сама намеревалась проконтролировать, да все времени не могла выкроить, а теперь вот с сестрой несчастье. Почему так тревожусь, переживаю за дочку? В бане с ней парилась, так Светка созревшая девица, все при ней и грудь, и бедра развиты, очень чувствительна, вся в меня уродилась. Такая же ранняя ягодка-малина.

Он уловил гордость, хвастовство в признании Анны.

– Сам вижу, что невеста на выданье. Свежа и хороша, все при ней. Лицом и фигурой первая красавица, – подтвердил Головин. – Здесь под южным крымским солнцем на молоке, фруктах и ягодах девочки быстро, как подсолнухи, созревают.

– Но ей еще лет маловато, – заметила женщина. – А вот через полтора года, когда Андрей, сынок бригадира Назара Хвыли отслужит и вернется, можно будет и свадьбу сыграть. Невесту надо в невинности сберечь, чтобы никто не испортил, не надкусил, как яблоко. Светка должна предстать перед женихом непорочной, девственницей в свадебном платье с фатой. Ты понимаешь, о чем речь?

–Конечно, Анна, как не понять. Разделяю твою тревогу и

заботу. Но сейчас другое время и под венец часто идут невесты с солидным опытом интимной жизни, а то и вовсе брюхатые.

– Сохрани, Господь. Береги ее, как зеницу ока. Вот уеду, а у меня душа не на месте, на сердце тревога не только за смертельно больную Лиду, но и за Светку, чтобы ее какой-нибудь маньяк не испортил. Она еще глупая, неопытная и слишком доверчивая, как овца, которую ведут на заклание. Может и не понять, что с ней совершат....

– Не волнуйся Аня, привязывать ее к дому, как овцу или козу не буду. Это глупо и смешно, но глаз не спущу и на дискотеке постараюсь побывать. Заодно припомню свою молодость, – пообещал Головин и бережно привлек женщину к своей широкой груди. – Какая ты хорошая, свеженькая после баньки. В постельку бы сейчас и до утра... Может завтра поедешь, а? Светка, заноза, выследила, что мы в баньке вместе паримся.

– Я ведь тебя, Федя, предупреждала, что от дочери ничего не скроешь, – прошептала Анна. – Оно может и к лучшему, теперь без опаски будем в парной медовый сезон навестывать.

В знак согласия он обнял ее за талию крепкими руками и плотно прижал к себе ее бедра, ощутив, как знакомый трепет пронзил женское тело, слегка подкосил ее ноги.

– Федь, что ты, ошалел, вдруг Светка войдет и застанет, да и грех об этом думать, когда сестра в опасности, – напомнила

она о суровой реальности. Он запечатал горячими губами ее полуоткрытый рот и прижал к своим крепким бедрам...

– Отпусти, не время сейчас. Какой ты, однако, ненасытный, неутомимый, словно с голодного края. Мы ведь с тобой всю ночь занимались, неужели мало? – упрекнула она, довольная тем, что постоянно вызывает в нем неистребимое желание обладать ею и пообещала. – Вернусь, тогда натешимся всласть, ребеночка сотворим, пока хочется и может-ся, я способна родить, а то ведь не за горами климакс, да и твои годы не стоят на месте. Детей надо делать и рожать при крепком здоровье в молодом возрасте.

– Это я с большим удовольствием и охотой, – отозвался Головин. – Только ты там долго не задерживайся. При первой же возможности на поезд и домой. Обязательно телеграмму дай, чтобы я встретил, как полагается, с цветами, шампанским и тортом. А то без тебя затоскую и еще сопьюсь от одиночества и грусти.

– Знаю, что тебя рискованно одного оставлять. Вокруг столько соперниц и завистниц, готовых по первому зову нырнуть в постель. Федечка, потерпи, чтобы никаких походов налево, – предупредила она. – В селе не то, что в городе, везде глаза и уши, все на виду, поэтому не шали, не давай повода для сплетен. Мы с тобой наверстаем...

И сама плотно прижалась к нему своими пышными, изнемогающими от страсти бедрами, почувствовав, как Федор изготовился к атаке.

– Надо заранее позаботиться о приданом для дочери. В прежние времена невесты сами об этом думали и с юных лет готовили сундуки и рундуки с нарядами, вязали и вышивали с использованием мулине и бисера. А теперь об этом у родителей должна голова болеть, – посетовала Вальчук. – Не с голодранкой же Светку выдавать замуж на потеху злым языкам. Быстрее бы породниться с зажиточной семьей Хвыли, тогда и мы быстро разбогатеем.

– Ты права, Аня, и я разделяю твоё беспокойство, готов подставить мужское плечо. По итогам года мне обещают солидную премию, так что с деньгами проблем не возникнет, – произнес Головин.

– А мне зерно и другую сельхозпродукцию за аренду земельного пая. Постараюсь и долю Степана, пока он в ЛТП лечится, прихватить, – вторила ему Анна. – Можно будет часть продукции продать на рынке, выручить и скопить деньги на Светкину свадьбу.

– Тогда и решим, что ей купить, – пообещал он.

– Обязательно спальный гарнитур, ковер, два комплекта постельного и нижнего белья для новобрачных, а Светке еще и пенюар, чтобы им сладко спалось и мы с тобой, Федя, дождались внуков и внучек, – с блеском в глазах промолвила женщина.

– Ты у меня, Аня, умница. Знаешь, что для молодых главное, в первые дни и ночи семейной жизни, – похвалил он.

– Не один год на этой грешной земле живу, – улыбнулась

она. – Знаю, что все, особенно молодежь, любит мед ковшами черпать.

– Ах, ты, моя сладкая, – он привлек Анну к себе. – Мы свой мед никогда не вычерпаем. Лично от себя я планирую подарить дочери и ее избраннику импортный компьютер, телевизор, видеомаягнитофон и музыкальный центр. Пусть наслаждаются, для родных мне ничего не жаль.

– Правильно, Федечка, правильно! – воспрянула духом женщина. – После таких щедрых подарков Светка тебя обязательно назовет папой, крепко обнимет и поцелует в щечку. Да и Андрей, а он парнишка добрый, после службы охотно последует ее примеру.

– Дай то, Бог, чтобы так и случилось, – снисходительно усмехнулся Головин. – Я особенно и не претендую на титул «папы». Считаю это пережитком прошлого. Главное, чтобы у них были любовь, согласие и полная чаша добра.

– В последнее время дочь немного раздражительна, но ты на это не обращай внимания, – попросила Вальчук. – У нее сейчас переломный или переходный возраст, период полового созревания и избыток гормонов. Вот девица и бесится. Сама когда-то была в таком возрасте и хорошо помню этот период беспокойства и тайного томления. Он по-разному отражается на психике и поведении.

Кроме того, ревнует меня к тебе, подглядывает, что, конечно некрасиво, но вполне естественно. Надо бы в баньке нижнюю часть окна заложить кирпичом, лишь под самым

потолком оставить небольшой проем, чтобы Светка не могла дотянуться и подглядеть, чем мы там занимаемся.

– Аня, ну, что ты, как не целованная девочка. Запомни: что естественно, то не безобразно, – в который раз напомнил он.

– Ну, знаешь, Федя, для секса место в постели.

– Для этого везде место, было бы желание мужчины и женщины, когда они остаются наедине, и никто им не мешает. На природе, в необычной обстановке еще слаще заниматься любовью, – твердо изрек сожитель и Анна не посмела возразить, поскольку отдавалась ему не только в бане, но на сеновале, в стогу и даже во время ночного купания в пруду.

Вспомнив эти в необычной обстановке утехы, она стыдливо опустила глаза и извиняющим тоном пообещала:

– Ты уж, Федечка, потерпи Светкины капризы. Бог терпел и нам велел. Я тебя за это всей душой и телом отблагодарю.

– Конечно, дорогая, как прикажешь. Если бы знал, что ты срочно уезжаешь, то до самого утра бы... – признался он.

– Спасибо тебе за ласки, – призналась Анна и, потеряв нить первоначального разговора, сделала паузу, вспомнила.

– Так вот, мы за нашу Светку, скромную, работающую и непорочную невесту, калым требовать не станем, – заявила она. – Нынче и не принято, это у азиатов сохранилась традиция. Намекнем Назару и Одарке, чтобы тоже раскошелились на импортную мебель, кухонный гарнитур, холодильник и стиральную машину. А телевизор и электроплиту сами

купим. Они зажиточные, богаче нас, не обеднеют. Первую красавицу на селе отдаем, от сердца отрываем.

– Эх, Аня, гляжу, ты не на шутку разошлась, как будто завтра свадьба, – заметил Федор.

– Времечко то быстро, словно вода течет. Год пролетит, глазом не успеем моргнуть, как жених возвратится. Поэтому надо заблаговременно откладывать деньги на свадьбу и другие расходы, – предложила Вальчук. – Подвенечное платье и обручальные кольца пусть жених покупает. Так положено, за наслаждения принято платить.

– Да, нынче время другое, рынок, коммерция, – согласился он. – Каждый преследует свой интерес. Бесплатный сыр только в мышеловке.

– Ты, Федя, на других женщин не заглядывайся. Знаю, что ты любвеобильный, но держи себя в руках, – предупредила она. – В селе даже иглу в стогу не утаишь, поэтому не давай повода для сплетен.

– Ты тоже, Аня, себе вольностей не позволяй, строго блюди верность, – сурово изрек Головин. – Чтобы не получилось, что яблоко от яблони недалеко падает...

– Что ты, Федя?! – обиделась его недоверчивости и обрадовалась ревности женщина и выдала аргументы. – Если я до встречи с тобой, когда никто не мешал, не загуляла, не пошла по рукам, то теперь уж и подавно. Обо мне в селе никто дурного слова не скажет. Ты – моя последняя золотая любовь, бесценный подарок судьбы.

– Мало ли чего, вдруг, как говорят, моча в голову ударит, – засомневался он. – Ты – женщина аппетитная при пышных формах. Мужики к тебе прикалываются, липнут, как мухи, на мед. Да и сама сладострастная, темпераментная, можешь голову потерять и согрешить...

– Ох, Федя, чую, что мне там будет не до пьянок-гулянок, – вздохнула она. – Дай Бог, чтобы с Лидой все обошлось, чтобы беда миновала.

– Сердце свое не рви, Аня. Помни, что жизнь соткана из черных и белых полос, – философски заметил он. – Но даже в таких ситуациях, когда плоть требует, бабы умудряются согрешить, потому, что для этого и созданы. Гляди мне, если узнаю, что с кем-то слипалась, то порешу. У меня рука тяжелая. Это я на вид добрый и простой, но никому не позволю сделать из себя рогоносца.

От этой угрозы сожителя Анне стало не по себе.

– Что ты, в самом деле? Страху на меня нагнал, – упрекнула она и перекрестилась. – Христом клянусь, что никого к себе не допущу.

– Это другое дело. Но не забывай, что я измен не прощаю. Мне объедки, падаль с чужого пира противопоказаны.

– За меня не волнуйся, я – женщина строгих правил, а вот за Светкой присмотри, – велела Анна. — У нее сейчас гормоны бурлят и может не устоять от соблазна, подставиться какому-нибудь пацану.

– Заставлю ее по хозяйству работать, чтобы отвлечь от

дурных мыслей и желаний, – пообещал он и велел. – Аня, оставь мне эту сдобу.

Нежно размял пальцами пышную грудь с горошиной соска, огладил ладонью роскошные бедра.

– С большим удовольствием, но это невозможно, – прошептала Вальчук, с гордостью осознавая магию своего очарования.

– Предки, долго вы еще будете шептаться? – раздался звонкий Светкин голос и дверь отворилась. Головин похотливо оглядел ладную, упругую фигуру сожительницы и с огорчением разомкнул руки на ее талии. Анна смущенно поправила сползшую с бедер юбку, застегнула молнию, машинально раскрытую Федором.

В последние пять лет до путевки в ЛТП мать с отцом Степаном спали в разных комнатах. Поэтому Светка даже при желании не могла их застать, как в данном случае, в пикантных ситуациях.

Анна быстро собрала себе провиант в дорогу.

– Света, может, поедешь со мной? – снова предложила она дочери. Девушка, представив горестные лица, слезы, крики, а возможно, и похороны с раздирающей сердце траурной музыкой, зябко вздрогнула.

– Намается в дороге. Пусть дома остается, – вновь пожалел Федор, пристально, взглянув на падчерицу.

– И то верно, что тебе там делать, – согласилась мать. – Вредно с юных лет психику травмировать. Хватит и на твой

век грусти и печали. Каждому суждено испытать не только радость, но и горе. Такова земная жизнь и никуда от нее не спрячешься.

Вышли за калитку. Головин сел за баранку грузовика, а Вальчук перед тем, как устроиться с ним рядом, стала прощаться с дочерью.

– Не шали Светка, слушайся отца..,– и запнулась, не зная, как удобнее назвать супруга. Дочь так и не переборола себя, чтобы назвать его отцом при живом Степане.

– Слушайся Федора, – после паузы продолжила мать. – Допоздна не гуляй, от греха подальше. У хлопцев одно на уме – быстрее девку в постель затащить и натешиться. У тебя сейчас очень опасный возраст, гормоны бурлят.

– А ты, Федя, будь с ней строже, чтобы от рук не отбилась. К хозяйству ее приучай, – наставляла она Головина, – Пусть за кабанчиком Борькой, гусями, утками и курами ухаживает, вовремя кормит и поит. На твоей совести уход за Майкой. Обязательно «зеленкой» корми, у коровы молоко на языке. Вовремя дои, чтобы не заболела маститом.

– Мам, ну что ты такое говоришь? – оборвала ее наставления Светлана. – Ты уже об этом в бане и комнате несколько минут назад говорила. Сколько можно об одном и том же, все уши прожужжала. Я не маленькая и знаю, что мне делать по хозяйству и как себя вести с ребятами. Они меня и так считают и дразнят недотрогой.

– Будет вам сырость разводить, садись Аня в шарабан, –

нетерпеливо пригласил Головин в кабину грузовика, и она устроилась рядом.

– Поезжай, Федя, поезжай. Что с нее, глупой, возьмешь, дитя неразумное, еще ветер в голове и молоко на губах не обсохло. А для меня сейчас каждая минута дорога, может, еще застану сестру живой...

Головин включил зажигание, выжал педаль сцепления и переключил скорость. Машина плавно тронулась с места.

Побежали по сторонам квадраты освещенных окон Романовки и вскоре выехали на большак со стройными тополями по сторонам.

5. На правах хозяина

Находясь в плацкартном вагоне, Вальчук вспомнила, как за три недели до получения тревожной телеграммы, она вечером занималась приятным делом – перебирала свои вещи в гардеробе. Наткнулась на костюмы и сорочки Степана и предложила Головину, взиравшему на экран цветного телевизора «Фотон»:

– Федя, от бывшего муженька остались кое-какие вещи. Их тщательно перестираю, утюгом выглажу и будешь носить, не пропадать же добру и зазря место занимать, мошь плодить и кормить.

– Какие еще вещи? – оторвал он взгляд от экрана недавно купленного цветного телевизора «Фотон».

– Да вот, погляди и примеряй, – она подала на «плечиках» серо-стального и коричневого цвета костюмы, две пары сорочек и несколько галстуков и пояснила. – Совсем новые, не ношенные. Он их всего два-три раза и одевал по праздникам, а в будни ходил в рабочей спецовке.

Головин повертел в руках костюм, затем сорочки и громко рассмеялся, едва не разворотив своим тяжелым телом кресло.

– Так это одежда для школьника-карлика. Ну, Анка, и расмешила, я полагал, что он у тебя гигант, оказывается, что Степка коротышка, от горшка два вершка. Ну, и елдаря ты себе выбрала. Ха-ха-ха! – потешался сожитель. – Это не мой размер, в плечах узок и рукава коротки. Где ты такого сморчка себе нашла? Удивляюсь, такая красивая, стройная баба и за первого встречного замуж выскочила. Может до свадьбы, как кошка, гуляла, деваться было некуда? Обрюхатил он тебя, признавайся?

– Не выскочила, а вышла, как полагается в фате, – обидевшись, возразила Вальчук. – Степа меня с девятого класса обхаживал, не давал проходу. Спать я с ним стала только после свадьбы и штампа в паспортах. Тогда он другим был, нежным и заботливым, пил в меру только по большим праздникам. Все мне завидовали и говорили: мал золотник, да дорог. Сглазили, порчу наслали, магарыч, самогон за работу сулили, спился...

– Намучилась ты со своим золотником. Сказывают, что

дубасил тебя, как сидорову козу, — сожитель напомнил ей о суровой реальности.

— Не всем же суждено быть гигантами, — робко заметила женщина. — К тому же Степа не сморчок, а почти среднего роста, очень ловкий. Вот, если бы тогда, шестнадцать лет назад, ты появился в селе, то я бы без всяких раздумий выскочила за тебя замуж. Выбора не было, ведь девушек в селе больше, чем парней. Даже в песне такой припев: «На десять девчонок по статистике девять ребят». Вот и приходится ждать, когда парень обратит внимание, позовет под венец. Судьбу не переиграешь. Знать бы, где упадешь, то и соломку бы постелил.

— Верно, Аня, судьба — злодейка, а жизнь — копейка, — согласился с нею сожитель и нежно привлек к груди.

— Погоди, уже ночь близка, а то вдруг дочка появиться и застанет, — смутилась Вальчук, ощутив силу его объятия и вождение. Он нехотя разнял на ее талии пальцы. Женщина поправила сбившуюся прическу, одернула на бедрах юбку.

— А ты, Федя, примерь, примерь костюм, ведь не всегда глаз-алмаз, может и подойдет, — велела она. — Если костюм мал, то я его распорю и сделаю просторнее. Швейная машинка у меня всегда под рукой, я ведь могу и портной работать, лет пять назад окончила курсы кройки и шитья. Наловчилась свои старые платья для Светки перекраивать, на новые платья и сарафаны денег не хватало.

— Коль настаиваешь, — промолвил Головин и просунул ле-

вую руку в узкий рукав костюма, а затем не без помощи супруги в правый. Повел крутыми плечами, ткань затрещала и лопнула по швам, вывернув подкладку и обрывки нитей.

– Я ж тебе говорил, что мал, – посетовал Федор.

– Не волнуйся, я из двух костюмов сошью один, – сообщила женщина. – В спинку пиджака вставлю клин, борта и рукава удлиню. То же самое сделаю с брюками: расширю в поясе и на ягодицах, штанины увеличу. Вот увидишь, какая я мастерица?! Опыт есть, ведь я перелицовывала свои старые платья, юбки, кофты, перешивала их для Светки и на этом денежки сэкономила. Так и с тобой. Не придется новый костюм покупать. Надо экономить деньги на свадьбу Светки с Андреем. Не дождусь этого счастливого события. Эх, закатим пир на весь мир, чтобы надолго запомнилось.

– Любишь ты пыль в глаза пускать, а в кармане вошь на аркане, – упрекнул он ее в бедности. – Все за мой счет?

– Федя, так у нас одна семья, сплю с тобой, мужем?– напомнила она о хмельных ночах.

– Ладно, не обижайся, но помни, что деньги с неба не падают и на дороге не валяются. Они потом и мозолями даются. Светка тоже об этом должна знать, – наставлял Головин.

– Знаю, что деньги тяжело даются, – согласилась Вальчук. – Поэтому и хочу быстрее выдать Светку замуж. Скорее бы Андрей отслужил, а то дочка мается, организм созрел и плоть требует. В ее возрасте я себе места не находила, очень хотелось попробовать райское яблочко.

– Попробовала? – ухмыльнулся он, взирая на разодранный костюм.

– Только после свадьбы.

– Да, яблоко от яблони недалеко падает, – усмехнулся Головин. – В тебя дочка пошла.

– Откуда знаешь, что в меня?

– Такая же красивая, скороспелая и аппетитная, как ты, – ответил он, подметив, что комплимент ей понравился.

– Федь, значит, ты согласен насчет перешива костюма, сорочек и другой одежды? Жаль, с обувью не получится, мала, лишь для подростка. Обнову для Степана я покупала в магазине «Детский мир». Дешево и выгодно.

– Аня, я еще из ума не выжил. Посуди своей головой, что из твоего шитья получится? Костюм для клоуна из разноцветных тканей, соседям и курам на смех. Не обижайся, но после твоего алкаша противно носить это барахло вонючее. Лучше всего сделать из него огородное чучело или бросить весь этот хлам в костер и сжечь, чтобы в доме духу от корытшки не осталось. Наверное, болт у него, как у кролика? Хотя встречаются низкорослые битюги с достоинством, как у ишака.

– Федь, что такое елда? – спросила она.

– Гы-гы-гы! – заржал он. – Взрослая баба, пользуешься, а до сих пор, не знаешь, что это такое.

Вальчук полыхнула румянцем щек, смущенно опустила голову.

– Что ты, как красна девица. Лучше отправь Степану в ЛТП маляву. Сообщи, что ему сюда дороги нет. Если вздумает сунуться, то горько пожалеет, одним щелчком выбью из него разум. Заправлю реглан, станет жмуриком, и отправлю на тот свет.

– Федя это же большой грех лишать человека жизни, пусть он даже и вредный. Ему по закону принадлежат третья часть дома и земельного участка, – испуганно произнесла сожительница. – Только Бог решает, кого оставить, а кого к себе на небеса забрать.

– Третья часть? Выкусит, шпендику для могилы хватит квадратный метр, – ухмыльнулся Головин. – Долго нам придется ждать, алкоголиков и на том свете никто не почитает, А вот хороших, как я, людей он раньше срока к себе призывает. Там тоже нужны умелые работники, столяры и плотники, да и механизаторы широкого профиля. Степан заслужил самой суровой кары, столько лет тебе и Светке отравлял жизнь. И как только земля такого алкаша носит? Другой бы давно уже загнулся от цирроза печени, так нет же спасают, лечат задарма из гуманности. Я б их всех, алкашей, загнал в карьер, на лесоповал или на урановые рудники. Там бы они долго не протянули.

– Не гневи Бога, Федя, – перекрестилась Анна. – Наверное, ему и в ЛТП не сладко, гипнозом и уколами замучили, а может и ампулу вшили. На стройке вкалывает. Это не санаторий, не курорт, а режимный объект с охраной, колючей

проволокой и злыми собаками.

– Вот, блин! Доброе женское сердце, уже и пожалела. Мало он, наверное, тебя, как сидорову козу, мочалил и бил, – посетовал Головин. – А вот Светка-конфетка. Я все удивляюсь, как с карликом, коротышкой ты смогла зачать и родить красавицу? Может ты ее нагуляла?

– Типун тебе на язык, – обиделась Анна.

– А тебе ежа за пазуху, – не остался он в долгу и повысил тон. – Не смей мне перечить. Всегда помни, что на тебе свет клином не сошелся. Неудовлетворенных баб в селе – хоть пруд пруди.

Вальчук благоразумно промолчала, а Головин, чувствуя себя на положении хозяина, продолжил:

– Из домовой книги Степана выпиши к чертовой матери, а меня срочно пропиши на жилплощадь. Мою комнату в общежитии уже отдали другому постояльцу, поэтому возврата нет.

– Хорошо, Федя, хорошо пропишу, ты только не горячись. Попрошу Колю Удоду, он не откажет, поможет. Он многим мне обязан.

– Кто такой? Птица что ль, которая гадит?

– Это наш участковый инспектор, Коля, лейтенант. У меня с ним хорошие отношения, он часто пьяного Степана приводил в чувства, забирал в районный отдел милиции. Расплачивалась самогоном и закуской, – призналась Анна.

– Может ты с ним и спала? – насторожился Головин.

– Что ты, даже в мыслях такого не было, – обиделась она.

– Смотри, Анка, если узнаю, то будешь бита, как сидорова коза, – пригрозил он. – С ментом больше не якшайся. Насчет меня ни единого слова. Если спросит, то скажи, что трудолюбивый, добрый человек, он отстанет. Нечего ему со своим уставом в чужой кичман соваться.

– Какой, еще кичман? – не поняла она.

– В сарай, – стушевался он, не желая пояснять, что так уголовники называют тюрьму.

– У нас не сарай, а дом, – возразила Вальчук.

– Не дом, а хижина дяди Тома, – усмехнулся Федор.

– Какого еще Тома?

– Вот деревня Петушки, – рассмеялся сожитель. – Это же фильм о неграх, рабах. Нам его много раз крутили на зоне...

– Какой зоны?

– Труда и отдыха, – нашелся он с ответом, поняв, что допустил оплошность. – Так вот у тебя хижина, а у Хвыли особняк. Но не печалься, как только разбогатеем, второй этаж построю. С коварной птицей, Удодом будь осторожна, держи язык за зубами.

– Я тоже так считаю, – поддержала Вальчук, перебирая вещи бывшего супруга. – Федя, может тебе сорочки подойдут, а уж галстуки точно, для них размер не важен? Я умею ловко узлы завязывать. Не все ж тебе в спецовке ходить.

– Я не босяк, чтобы ходить в обносках, – возмутился он.

– Так ведь вещи хорошие, не с покойника, жаль выбрасывать, – увещевала Анна. – На праздники и в будние дни ча-

ще надевай костюм с белой сорочкой и галстуком. Любо-дорого будет поглядеть. Может начальство тебя заметит и оценит, пойдешь на повышение. Зарабатываешь ты прилично, поэтому и одеваться должен со вкусом, чтобы все видели, что мы живем весело и в достатке, душа в душу.

– А ты, Аня, не боишься, что меня кто-нибудь из твоих красивых подруг уведет? – озадачил он ее неожиданным вопросом. – Такое часто случается, когда жена слишком холит своего супруга, то он, в конце концов, уходит к другой подруге.

Он заметил испуг и тревогу в ее доверчивых глазах и пожалел:

– Я пошутил, ты у меня единственная и неповторимая. А насчет этого барахла не расстраивайся. Это ниже моего достоинства пользоваться чужими обносками. От них, наверное, до сих пор самогоном и мочой разит, как из парашаи.

– Но галстуки ведь совсем новые, Степан их не носил, скромничал, чтобы не выглядеть голландским петухом.

– Не уговаривай, не базарь, мое слово – закон! – властно осадил он и с брезгливостью бросил костюм, сорочки и галстуки на пол, связав рукава. Потом мельком кинул взгляд на стену, где висела в рамке фотография молодоженов Анны и Степана Ермаковых. Она с первых дней вызывала в нем раздражение и неприязнь, мерзкое ощущения постоянного присутствия в доме соперника. Но тогда он не решился заявить об этом, а сейчас подвернулось под горячую руку.

– Портрет этот сними и забрось куда-нибудь подальше, – продолжил он. – Теперь в доме новый хозяин. Семейный альбом тоже подлежит ревизии. Подай-ка его мне. Я тебя, Аня, люблю и поэтому не потерплю другого мужика рядом с тобой.

– Федя, не ревнуй, ведь фотографии не могут повредить нашим сердечным отношениям, они лишь напоминают о прошлом. Пусть остаются, они ни воды, ни хлеба не просят, – неуверенно произнесла супруга, с мольбой взирая на вошедшего в раж Головина.

– Могут отравить настроение. Они вызывают во мне гнев и раздражение, настоящую аллергию. Зачем мне терпеть это насилие над организмом? Да ни за что на свете!

– Ты очень ревнив, – по-женски мягко укорила Вальчук. – А ревность – страшное чувство. Оно нередко ослепляет и омрачает разум человека. Я не хочу, чтобы ты ревновал меня к каждому столбу.

– Разве это плохо, что мужик любит одну бабу? Веди себя скромно, ни с кем не заигрывай, не строй глазки и все будет в порядке.

Анна не ответила, но ей льстило, что Федор равнодушен даже к ее прошлой жизни, а значит, неспособен к изменам, романам на стороне. Довольная этим открытием, она взяла из книжного шкафа толстый альбом с фотографиями и послушно отдала ему.

Головин с явным удовольствием вырывал приклеенные к

плотным страницам фотографии, на которых был изображен Степан, в гордом одиночестве или с домочадцами. Словно хирург скальпелем, орудовал ножницами, отрезая Ермакова то от Анны, то от Светланы.

Вокруг разбросаны обрезки, по которым он с удовольствием топтался, ощущая себя властелином чужих судеб. Вальчук, осознавая кощунство совершаемого им, со смутной тревогой наблюдала за манипуляциями.

– Ты бы, Федя взамен вырванных фотографий вклеил свои, – посоветовала она. – После твоей ревизии семейный альбом изуродован. стыдно его будет знакомым и гостям показывать.

– Нечего на него чужим глазеть. Здесь ни музей и не выставка, – сурово изрек он. – А личных снимков у меня нет. Я не фотогеничен, как Квазимодо, из «Собора Парижской богородицы».

– Не наговаривай на себя, не скромничай, – улыбнулась женщина. – Ты мужчина – красавец. Рослый, сильный, обаятельный. Таких богатырей еще поискать, я за тобой, как за каменной стеной.

– Ну, спасибо, что оценила, – усмехнулся он. – Женщины от меня, действительно в восторге, но я не злоупотреблял их доверием и лаской. Проявлял сдержанность, не растрачивал себя по пустякам, предчувствовал, что обязательно встречу тебя, свою судьбу.

«И много у тебя их было?» – так и подмывало ее спросить,

но поразмыслив, лишь скромно призналась. – Ты меня сразу очаровал и душой, и телом. Сердце подсказало, что ты моя судьба.

Головин скомкал в массивном кулаке выдранные из альбома фотографии Степана и сунул их в узел одежды со словами:

– Ничего не должно напоминать о нем. Сожги все до последней вещи, чтобы духу здесь от твоего Степки не было. Негоже в барахле разводить моль, вшей и клопов.

– Степан был аккуратным, чистоплотным. После работы в поле душ принимал, – неуверенно возразила женщина.

– Душ принимал? – ухмыльнулся сожитель. – Что ж баньку запустил, крыша, как решето? Мне пришлось за него вкалывать, надрываться.

– Времени не хватило. Участковый Удод отправил его в ЛТП.

Очищающий огонь уничтожит все следы. «А Светка ..., – чуть не сорвалось с языка Вальчук, но она вовремя прижала ладонь к губам, опасаясь спровоцировать его неприязнь к дочери. – Дети за родителей и их поступки не отвечают. Они принимают такими, какие есть».

Анна Васильевна для себя решила, что мужчина – это голова семьи и жена, ради сохранения любви и согласия, обязана ему во всем подчиняться, не перечить. Федор, считая себя знатоком женский психики и покорителем дамских сердец, сразу заметил эту черту ее характера и усердно пользо-

вался ее покладистостью, боязнию семейных ссор и размолвок. «Слишком долго она жила без мужской ласки и поэтому, вкусив райское яблоко, ни за что не пожелает с ним повздорить и разлучиться», – убедился он в первую же неделю медового месяца и с удовольствием позволял себе любые действия, совершенно не задумываясь о том, нравятся они Анне или нет?

– Жаль с добром расставаться, – огорчилась Вальчук. – Ткань добротная из шерсти, лавсана и льна.

– Анка, не бзди! – сурово велел он и поставил вопрос ребром. – Кто тебе дороже: эти тряпки или я?

– Конечно ты, – охотно призналась она. – С тобой я расцвела, как майская роза, помолодела душой и телом. Жду не дождусь нашей ноченьки медовой.

– Глупая, зачем ждать, томиться. Пошли в баньку, коль не терпится, а то здесь Светка застанет.

Анна встрепелулась и с загадочным блеском в глазах последовала за Федором. С гордостью обозревала его широкоплечую статью, мускулистые плечи, руки и крепкие ноги. Больше часа они в парилке предавались любовным утехам.

К моменту возвращения Светланы от школьной подруги, отчим успел предать костру, разложенному из хвороста в палисаднике одежду и фотографии Ермакова. Она застала мать и отчима, державшего рамку с фотографией отца и матери в день бракосочетания.

– Надо было и этот портрет бросить в пламя... – с огор-

чением произнес он и, завидев девушку, осекся.

– Не смейте! Отдайте портрет отца! – смело подступилась она с гневным блеском в зеленых глазах.

– Это портрет алкоголика, ему не место рядом с моей женой, – возразил Федор и поднял рамку над головой.

– Не вам судить моего папу. Он и без вас судьбою наказан, – не отступала Светлана и обратила лицо к Вальчук. – Мама прикажи ему отдать портрет. Это же дикость, уничтожать память о родном человеке.

Анна Васильевна отвернулась, боясь подлить масло в огонь.

– Что же ты молчишь, словно воды в рот набрала? Эх, мама, мама? И ты предала отца, – дочь укоризненно покачала головой.

– Это он нас предал, разменял на бутылку, – сухо, не глядя в глаза Светлане, прошептала она. Девушка поняла, что с этого момента ей остается рассчитывать только на собственные силы. Она для них в доме чужая и лишняя. Осознавая свою беспомощность перед высоким отчимом, Ермакова заплакала, в отчаянии забарабанила кулачками в его широкую грудь, словно в тугой барабан.

Это Головина позабавило, вызвало приступ смеха и восторга. Он наблюдал за Анной, стремясь понять ее реакцию на происходящее.

– Отдайте портрет! Я вас ненавижу! – заявила девушка и слезы ручьями текли по ее щекам.

– Федор, будет вам, устраивать сцены, – наконец не выдержала женщина. – Отдай ей портрет отца, не мучай ребенка.

– Мг, отца? Этого коротышку, сморчка, – ухмыльнулся он и съязвил. – И не стыдно, не противно тебе было под него ложиться?

– Федь, что ты при Светке такое мелешь, постыдился бы ребенка. Ей еще рано об этом знать, молоко на губах не обсохло.

– Обсохло, обсохло, – возразил он. – Деваха в самом соку, вполне созрела. А вот с отцом карликом ей не повезло...

– Не всем же суждено родиться богатырями, – посетовала Вальчук и заметила. – Бывает так, что у человека много мяса, туша и голова большие, а мозгов нет.

– Ты мне еще поговорили, бабью дурь быстро вышибу, – прошипел сожитель.

– Ой, Федечка, прости, извини, само вылетело, – покаялась женщина. – Недаром же говорят, что язык – мой враг.

– Поэтому держи его за зубами, пока они целы, – велел Головин. – Запомни, мужчина в семье – голова!

– А женщина—шея, – тихо добавила она.

– На моей шее сидеть и ею управлять не надейся, сброшу, как дикий жеребец. Подкаблучником никогда не был и не буду, – и с вождением уставился на падчерицу, – Хорош ребенок, настоящая невеста. Горячая антилопа, с характером. Эх, Светка – конфетка, забирай своего папашку – алкашку и мелкую букашку. Спрячь портрет подальше, чтобы

он мне больше никогда на глаза не попадался. В следующий раз вдребезги разобью! Мало он, злодей, вашей кровушки попил. А ты его жалеешь и прощаешь.

— А ваше какое ...— так и вертелось у Светки на языке слово «собачье», но она не отважилась его озвучить и сказала, — ...дело. Нашелся «отважный» защитник ...

— Это теперь, Светочка-деточка, наше общее дело. Мы — одна семья и поэтому должны жить душа в душу, с открытым и добрым сердцем. Вот так! — назидательно произнес отчим. — Вас же учат в школе, что семья — это ячейка общества. Вот и будем жить, не тужить в этой ячейке, как пчелы в сотах и майский мед ложками черпать. Ты ведь любишь сладости? Все в твоём возрасте любят полакомиться. А запретный плод всегда соблазнительнее и слаще.

— Рано ей еще о гуляках и запретных плодах думать, — подала усталый и недовольный голос мать. — Перестань дуться на Федора. Он готов заменить тебе отца. Что он тебе плохого сделал?

— Хорошего тоже не видно, — огрызнулась Ермакова.

— Вот, упертая, характером в Степана уродилась и лишь красотой в меня, — посетовала Анна,

— Живите сами в своей ячейке, а я буду в своей комнате, — твердо заявила девушка, бережно прижимая к груди портрет. Резко развернулась и исчезла за дверью.

— Ты на нее, Федя, не серчай, — горестно вздохнула Вальчук. — Ей в семье не хватало отцовской ласки и строгости,

вот и выросла такая строптивая и капризная, с характером отца, себе на уме.

– Ничего, слюбится, стерпится, – снисходительно ответил Головин и указал Анне взглядом на кровать. – Давно пора баюшки-баю. У меня кровь от страсти закипает...

Эта семейная сцена во всех деталях предстала перед женщиной. Лишь гудок локомотива, приближающегося к очередной станции, прервал ее размышления. За вагонным стеклом в отдалении от железнодорожного пути золотыми россыпями светились огни поселков.

6. Отчим и девственица

Два дня и две ночи после отъезда Анны Васильевны прошли спокойно. Головин допоздна работал на тракторе в поле, вспахивал почву под сев озимых. Возвращался утомленный, быстро съедал приготовленный Светкой ужин, доил корову Майку и ложился спать. Как-то похвалил Светлану за вкусный гороховый суп:

– Из тебя может вырасти заботливая жена.

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась девушка, румянец запылал на щеках. Она стыдливо опустила длинные пушистые ресницы, спрятав по-кошачьи зеленые глаза. Две ночи она ночевала у подруги Аси Фрумкиной, а на сей раз решила остаться. Неудобно было стеснять людей, когда в двухстах метрах родной дом.

– Спокойной ночи, – пожелала она отчиму и удалилась в свою комнату. Долго не могла заснуть. Затаилась тишина, лишь за окном шумел ветер. Изредка при его сильных порывах стучала в стекло веткой яблоня, словно напрашиваясь в гости.

Светлана вспомнила прежние бессонные ночи. Изгнанная из постели матери, она нередко просыпалась за полночь. Чуткое ухо улавливало все, что происходило за тонкой в один кирпич перегородкой в соседней спальне. Девушка слышала тихие стоны матери и учащенное дыхание отчима, скрип пружин большой панцирной кровати. Потом все стихало, а через час – полтора начиналось снова, и продолжалось до утра.

Светлана долго лежала с открытыми глазами, глядя в beleющий низкий потолок. Чувствовала себя одинокой, всеми забытой и лишней в этом, некогда родном доме. Как хорошо и уютно было до появления Федора.

Ей хотелось зареветь от обиды и жалости к себе. Она злилась на мать. «У нее есть Федор, а у меня никого. Отец далеко от дома и не может утешить», – внушала себе девушка с завидной настойчивостью.

Когда-то к отношениям между матерью и отцом она была равнодушна. Но после появления в их доме Головина в ней пробудился характер, ревнивый и обидчивый. Сама она еще слабо осознавала, что уходящее детство и отрочество уступали место зрелости, ранимой и целомудренной. В этом

пятнадцать – шестнадцатилетнем возрасте мальчишки, как подсолнухи вытягиваются вверх, а нескладные длинноногие девчонки превращаются в Золушек. Девушек, созревающих быстрее своих ребят-ровесников, сильнее влечет таинство интима, первое чувство любви.

Однажды подруга Ася, когда они учились еще в седьмом классе, показала ей иллюстрированный журнал «Азбука любви», привезенный отцом из Югославии. Они тайком рассматривали разные позы соития обнаженных мужских и женских тел и стыдливо млели при мысли, что и им суждено испытать это неудержимо влекущее тайной чувство любви. Картины, увиденные в журнале, сохранились в памяти Светланы. Ее разбирало любопытство, она ничего не могла с собой поделать.

Анна Васильевна, удрученная заботами, никогда не делилась с дочерью женскими тайнами, считая ее маленькой. Мол, придет время и все познает сама. Лишь иногда, когда Светлана поздно возвращалась с танцев, предостерегала ее от близкого общения со старшими ребятами. «А могла бы я оказаться на месте матери с Федором?» – подумала она и ужаснулась этой мысли. Попыталась отвлечься, но она неумолимо влекла ее.

«Наверное, могла бы», – ответила девушка и для убедительности, что все при ней, провела рукой по соскам упругой груди, животу и паху с шелковистой порослью. Трепетно с затаенной радостью она еще с двенадцати лет открыла для

себя, что тело при нежном прикосновении к гениталиям способно доставлять наслаждение. Она злилась на отца, отнявшего у нее мать и занявшего ее место в постели. Как тепло и уютно было спать у матери под боком. После отъезда матери за перегородкой было тихо, лишь иногда было слышно, как он ворочается в постели. Нахлынувшие мысли мешали Светлане заснуть. Под утро ее сморил сон.

– Вставай, лежебока! – Федор легонько тронул ее за голое смуглое плечо. От прикосновения Светлана вздрогнула, открыла глаза. Неожиданно для себя увидела улыбающееся лицо отца и смущенно натянула на голые плечи до самого подбородка белую с синими цветочками льна простыню. Ее светлые, мягкие волосы разметались на подушке, в глазах блеснули малахитом зеленые искорки.

«Хороша, ангелочек, чистая, непорочная, – подумал, похотливо глядя на четко обозначившие под простыней ее стройные ноги, округлые бедра, высокие бугорки груди с выпуклостями сосков.

Головин, за двое суток успевший истоскаться по хмельным ласкам сожительницы, подумал: «Дочка у Анны еще краше, чем мать, как скороспелое яблоко налилась соком и, наверное, испытывает, как и другие девушки в ее возрасте, влечение и любопытство. Против природы не попрешь. Эх, хороша антилопа, свежа и соблазнительна. Недаром кровь в жилах взбунтовалась, плоть требует».

Солнце давно поднялось над горизонтом и в окно струи-

лись яркие потоки света, отражая на деревянном крашеном полу переплет рамы.

– Вставай Светка– шоколадка, конфетка. Хватит дрыхнуть, кто рано встает, тому бог счастье дает. Ты ведь обещала матери мне помогать по хозяйству, кормить Борьку, доить Майку,— напомнил отчим.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – ответила она только бы нарушить тягостную паузу, ощутив его вожаденный взгляд, блуждающий по ее затаившемуся под простыней горячему телу.

– Разумно толкуешь, – улыбнулся Федор, заметив ее скованность и, шутя, хотел сдернуть с нее простыню, как это часто делала Анна.

– Дядь Федь, не троньте меня, а то закричу и сбегутся соседи, – испуганно попросила она. – А мамка приедет, расскажу, что приставал, как банный лист...

– Глупая, успокойся, трусиха, я маленьких девочек не обижаю, – произнес отчим. – Сама ведь слышала, что мать велела тебя не баловать. Я обязан выполнять ее приказы. Вставай, вместе будем хозяйством заниматься, живность кормить, лямку тянуть.

– Сегодня же воскресенье, дядь Федь, – сладко потянулась она.

– Для тебя каждый день праздник, воскресенье. Пойди-ка в коровник и дай Майке сено. А потом займемся учебой.

– Какой еще учебой?

– Научу тебя коров доить, за сиськи дергать.

– Больно мне надо, – фыркнула девушка. – Я не собираюсь всю жизнь прозябать в селе. Мое место в большом городе, где много молодежи, музыка и всегда царит праздник.

– Живо, подъем! Не уйду, пока не встанешь, – пригрозил Головин.

– Дядь Федь, выйди, я раздета.

– Мг, раздета, совсем что ль?

– В трусиках, а сиси голые, – с детской непосредственностью призналась она и, густо покраснев, смутилась своей откровенности.

– Правильно, тело должно дышать, даже ночью, когда жарко и душно, – похвалил он. – Я тоже сплю раздетым. А ты, Светка, не робей, ведь на пляжах все ходят полуобнаженные, в плавках и купальниках и никто от стыда в обморок не падает. Это так естественно, красоту глупо и грешно прятать под одеждой. Придет время, люди это осознают и станут более доверчивыми и раскованными.

– Пляж для этого и предназначен, – не разделила его оптимизма Ермакова и с мольбой поглядела. Федор безнадежно махнул рукой и вышел в сени. Она еще несколько минут понежилась в постели. Потом резво вскочила на пол, накинула на плечи халатик и завязала узелком поясок на тонкой талии.

Вышла во двор. В палисаднике полыхали, поблескивали в капельках не успевшей испариться росы цветы: душистые

лилии, белые, розоватые и фиолетовые астры, отцветающие ромашки. Ветки яблонь и груш сгибались под тяжестью созревающих плодов. От обилия света и цветов на душе у Светланы стало солнечно. Головин хлопотал на подворье, кормил живность. Девушка прошла за коровник к сеновалу, чтобы, как он велел, принести Майке охапку душистого сена. Оно слежалось и не поддавалось ее усилиям. Вилы оказались бесполезными. Она исколола пальцы о сухие стебли. Федор, смекнул, и поспешил на помощь.

– Эх, ты неженка, – пожурил он Светлану. Взял вилы и поддел ими самый верх копны под шиферной крышей. Большой слежавшийся пласт сена сполз вниз. На девушку сверху посыпалось сухое душистое разнотравье: стебли с увядшими оранжевыми соцветиями зверобоя, алого горошка, фиолетовой люцерны, белых ромашек и синих васильков, серебристые нити ковыля...

Сам Головин увернулся бы, но он прикрыл собой девушку. Крепко прижал ее к себе. Охапка душистого, пахнувшая ромашками и клевером сена, свалилась им на головы. Закружилась травяная пыльца. Молодое горячее девичье тело, как пойманная в силки птица, забилося, затрепетало в его сильных с переплетением пульсирующих вен руках. В нем проснулся инстинкт охотника. К вискам прилила кровь, он с азартом голодного самца жадно прижал к себе ее упругое, незащитное тело.

– Дядь Федь, отпустите, больно же, – взмолилась девуш-

ка. Усилием воли переборол вожделение, разомкнул пальцы на ее тонкой и гибкой талии. Светлана испуганной косулей отпрянула в сторону.

– Дядь Федь, дядь Федь, – запричитала она, не находя слов и взирая на Головина глазами с расширившимися зрачками.

– Не бзди, Светка, я тебя не обижу, – пообещал он и посоветовал. – Глупых пацанов, хулиганов опасайся, они могут испортить тебя раньше срока.

– У меня есть жених Андрей, он служит в армии.

– Пусть служит, я тоже служил, лямку тянул целых семь лет.

– Почему так долго? – удивилась Ермакова.

– В особых войсках, на Колым., – и прикусил язык. – Очень важная и трудная служба на сверхсекретном объекте, не всякий выдержит радиацию.

– В инженерных войсках, как мой Андрей?

– Нет, в ракетных, стратегического назначения с ядерными боеголовками, – охотно удовлетворил он ее любопытство, не сводя маслянистых глаз с изящно-соблазнительного тела. Головин увидел перед собой большие изумленные Светкины глаза. Она замерла, прислушиваясь к импульсам своего тела и ощущая каждой клеткой его влекущую мужскую силу.

Он широкой ладонью, как будто невзначай, провел по ее груди и ощутил трепет упругого и гибкого девичьего тела. Цветы, стебли, лепестки запутались в ее длинных волосах.

– Теперь я вся в пыли, – с досадой промолвила она, выби-

рая тонкими пальцами стебли из нитей волос.

– Не горюй, вечером истоплю баньку, – весело сообщил Федор. – Попаришься с веничком и словно заново родишься.

В отсутствии сожительницы Головин, привыкший к регулярному пользованию женскими прелестями, томился от возжеления. «Может по старой дружбе заглянуть к Катьке Чечуле на огонек? – размышлял он, уверенный в теплом приеме. – Выпьем, позабавимся, а то сперма на череп давит, организм требует разрядки. Нет, лучше повременить. Катька баба горячая, скандальная, язык, что помело. Прилипнет, как банный лист, распустит сплетни по селу. Куда меня черт из хаты понесет?

Рядом Светка – свеженькое, непорочное сокровище. А у Чечули мужиков побывало, что в бочке огурцов. С легкодоступной и покладистой бабой неинтересно. Наверное, нефтяникам, газовикам до чертиков надоедает бурить одну и ту скважину, так и мне хочется разнообразия, свежести и яркости ощущений. Только юная девица может доставить море наслаждений.

Со Светкой приятно поиграть в кошки-мышки, хитростью сломить ее страх, сопротивление, разжечь любопытство, возбудить и страстно овладеть, чтобы затрепетала, застонала от сладости. Сначала отправлю ее в баню. Потом угощу вином и приласкаю. Она разомлеет и дело будет в шляпе. Куй железо, пока горячо, пока нет Анки. Пусть Светка мне достанется по праву первой ночи. Войдет во вкус и потом

уговаривать не придется, ведь это сладкая забава. В каждой женщине таится страстная, ревнивая и коварная самка».

7. Баня для нимфетки

С обещанной учебой ничего не получилось, да и Головин не настаивал. Он сам старательно, как заправский дояр, размяв вымя, выдоил Майку и принес парное молоко в подойнике на кухню. Тут же, не процеживая, выпил две литровые кружки. Незаметно за мелкими хлопотами, приготовлением обеда, а затем и ужина подкрался вечер. Федор, как и обещал, жарко истопил баньку. Дров не пожалел. Сухие березовые поленья весело потрескивали в оранжевых языках пламени.

– Иди, Света первой, ты заслужила, – пригласил он девушку. Она живо собрала сменное белье, зашла в предбанник и заперла двери на крючок. Разделась, оглядев себя в большом висевшем на стене зеркале. За весну и лето она заметно повзрослела, ноги стали длиннее, бедра округлились, а грудь и соски приобрели упругость, как у матери. Обычно они купались вдвоем. Светлана невольно сравнивала свое молодое с бархатистой кожей тело с немного огрубевшим с жировыми складками телом матери. Купались они, играючи и шая.

Анна Васильевна ложилась на широкую лавку. Светлана усердно хлестала ее веничком по бледно-розовой коже. Так она сгоняла избыточный вес. Потом менялись ролями. Вы-

ходили на воздух распаренные с легкостью в теле. Светлана была поражена, когда однажды, придя вечером с танцев, застала мать и Федора вдвоем в бане.

Из-за двери парилки слышались их возбужденные голоса. Завернутые в белые простыни, выйдя на воздух, они несколько не смутились ее недоумевающего взгляда, а Светлана долго не могла успокоиться. Для нее было дико представить, что обнаженная мать и отчим находятся вдвоем в бане и не испытывают при этом стыда. Она провалилась бы на месте.

Прихватив мочалку, тубик шампуня и мыло, Светлана вошла в парилку. Плеснула ковш воды на разогретые камни гранита, повалили клубы густого пара и он, обжигая девичье тело, пополз под низкий потолок. Сбоку у стены были пристроены две широкие лавки. Светлана не стала ложиться, а стоя на деревянной решетке, густо вспенила на голове шампунь. Закрыла веки, чтобы пена не раздражала глаза. Вдруг замерла. Ей показалось, что в парилке она не одна. Поспешно смыла с лица пену и вскрикнула от неожиданности – у входа в парилку возвышался Федор в рубашке и брюках, но с босыми ногами.

«Вполне созревшая антилопа, – подумал он, впившись взглядом в ее изящное гибкое, молочно-белое тело, грудь с лиловыми сосками, тонкую талию и бедра с темным лобком. – Джульетте было четырнадцать, гораздо меньше, когда она отдалась Ромео. Светка в самый раз, пока деревенские

олухи не испортили».

– Как вы посмели, дядь Федь!? – девушка беспомощно замахала руками, словно раненая птица. Испуганно скрестила ладони на ворсистом мыске внизу живота. Замерла в ожидании. Он остановил взгляд ненасытного самца на ее упругой смуглой от загара груди и сосках.

– Вот глупая, не бойся. Я столько голых баб не повидал, что тебе и не снилось, – улыбаясь, приблизился и развел в стороны ее руки, пристально, будто гинеколог, рассматривая юные гениталии. Не удержался и потеревил сочные губки пальцем. Светлана, сжалась в комок, желая раствориться. Присела на корточках, плотно сжав колени, затравленно с мольбой взирала на него.

– Как вам не стыдно?

– Эх, Светка – сладкая нимфетка, ты же сама, специально не заперла дверь, чтобы завлечь меня своей неземной красотой. Заходи, не ленись, покупай живопись, – вкрадчивым голосом обескуражил ее отчим.

– Дверь была заперта на крючок.

– Значит, ее домовой открыл, чтобы я мог полюбоваться своей дочерью. Не бойся, я пришел узнать, не холодна ли вода, устраивает ли температурный режим? Или может поддать жару-пару? – произнес он, сохраняя спокойствие.

– Режим нормальный, проверили и идите, – прошептала она и плачущим голосом пригрозила. – Я расскажу мамке, она вас выгонит из дома назад в общагу.

– Не шуми, не делай из пустяка трагедию, я что, голых баб до тебя не видел? Очень даже много, – он подошел к ней, легко поднял на руках и ласково пропел в розовое ушко. – Светка, Светка – сладкая конфетка. Что ты, как неродная. Ты же не прячешь от меня и чужих людей свое милое личико, уши, глаза, носик, губки. И остальные части тела, грудь, живот, бедра, мало, чем отличаются. Не смущайся, будь пайнкой, моей сладенькой. Я тебя не трону, если сама не захочешь?

– Дядь Федь, стыдно ведь, – заметив его сосредоточенный взгляд, она прикрыла промежность с темно-светлым ворсом ладонью.

– Эх, Светка, бери пример с нудистов, – произнес Головин. – Они целыми семьями ходят, в чем мать родила, совокупляются, совершенно не стыдятся. Мы тоже с тобой дети природы и поэтому должны жить по ее законам, не отказывая себе в удовольствиях.

– Вдруг мамка узнает?

– Не узнает, если ты ей об этом сама не расскажешь, – ответил он и, заметив ее смущение, понял, что не расскажет, продолжил. – Ты вполне созревшая антилоп..., девица. Здесь, под южным солнцем девки-скороспелки быстро созревают, а вот на Севере, на Колыме ... Ты должна испытать наслаждение, только не бойся. Рано или поздно это должно произойти и лучше, если раньше. На Западе мужчины и женщины моются в общих банях и саунах, а нудисты без всякого

стеснения, в чем мать родила, загорают на пляжах вместе с женами и детьми. Чем мы хуже?

Федор жадно оглядел ее пахнущее молоком, тело и не удержался, прижался губами к ее вздрагивающей от волнения груди и поцеловал твердый сосок. Светлана затрепетала, ощутив смутное чувство.

– Ты великолепна, словно Афродита, – прошептал он.

Девушка беспомощно барахталась в его руках, попыталась укусить острыми зубами, но он, смеясь, увернулся. Испуг прошел, она обессилила в этом неравном противостоянии. Тогда отчим опустил ее на пол.

Светлана смотрела на него затравленным зверьком, не отпуская рук с темного лобка и пытаясь разгадать его замыслы. Постепенно испуг под добродушным участливым взглядом Федора уступил место любопытству.

«Что же будет дальше?» – этот вопрос занимал ее сознание. Она первой нарушила молчание:

– Как вы сюда вошли? Кто вам позволил?

– Дверь в парилку была открыта. Ты, шалунья, наверное, специально оставила ее незапертой.

– Обманываете. Я помню, что закрыла на щеколду.

– Эх, Светка, трусиха, ничего страшного не произошло, – рассмеялся он. – Я имею право посмотреть, как выглядит моя дочь. А голых женщин я за свою жизнь успел вдоволь насмотреться. Это для тебя все в диковинку, а для меня пройденный этап. Гляди на жизнь проще и веселее, она нам дана

не только для труда, но и наслаждений.

– Нашелся мне отец, – возразила она. – Мой папа ...

Замолчала, отвела взгляд в сторону и продолжила: – Он никогда бы не посмел так, без разрешения войти. Позвольте мне одеться.

– Ладно, Света, не сердись. Выкинь предрассудки из головы. Поверь, все произошло совершенно случайно, я не хотел тебя обидеть, – перевел он разговор в шутку. – Давай я тебя лучше веничком приласкаю. Твоя мама любит так париться. Ей очень нравится, когда я ее веничком по спине, животу и ягодицам. А у тебя попка еще красивее, чем у Анны.

Не дожидаясь согласия, Головин легко подхватил ее на руки и уложил на лавку вниз животом. И пока Светлана раздумывала, как поступить, стал легонько хлестать ее дубовым веничком по порозовевшему юному телу. Жар и нега разлились по телу. Испуг и смущение прошли, она уже не порывалась убежать из бани.

– Ах, Светка, шоколадка, конфетка! – произнес он с восторгом, восхищаясь ее великолепной фигурой. Отчим не казался ей злодеем, может потому, что не делал попыток овладеть ею. Светлана не сопротивлялась, когда он, как ребенка завернул ее распаренное тело в простыню и бережно вынес в предбанник. Она ловила себя на мысли, что ей приятно лежать у него на руках и плыть, словно на волнах теплого моря.

– Отдыхай, а я тоже попарюсь, – Федор положил ее на кушетку. Но не торопился раздеваться. Подождал, пока отдох-

нула. Отвернулся, позволив Светлане надеть белый с россыпями васильков сарафан на голое тело.

– Сколько будет крику, если мамка узнает? – прошептала она.

– Ты ей ничего не рассказывай. Пусть это останется нашей тайной.

Девушка утвердительно кивнула головой. Ей было приятно осознать, что у нее появилась тайна, которую она не может поведать даже матери. И это возвышало ее в собственных глазах.

– Умница, – похвалил ее отчим. – Я знаю, что ты славная девочка и никому не причинишь вреда. Может, и меня угостишь березовым веничком? От девичьего тела и рук исходит энергия, элексир молодости, необходимые каждому мужчине для подъема тонуса.

– Нет, нет! – возразила она. Федор решил не торопить события. Он остался в бане, а она вышла во двор. На небо густо высыпали звезды, крупные и прозрачные, словно вымытые дождем.

В теплом воздухе плыл терпкий аромат яблок. Светлана глубоко вздохнула грудью, ощущая во всем теле приятную истому.

8. Искусный самец

Она вошла в свою комнату, села на кровать и приня-

лась расчесывать длинные волосы. Смутное предчувствие чего-то необычного не оставляло ее. «Почему он без разрешения проник в баню? – размышляла она. – Наверное, я ему очень нравлюсь. Он назвал меня великолепной, сравнил с Афродитой. Меня еще никто так не называл. Мать чаще всего обзывала лентяйкой и дылдой, лишь перед отъездом в бане оценила. А Федор добрый, у него сильные руки. Он неспособен меня обидеть».

Светлана уже было решила пойти ночевать к Асе, но упрямство, отцовская черта, удержало ее. «Что подумает Федор? Скажет, сбежала трусиха, – искала она себе оправдание. – Я его совсем не боюсь. Мама ведь его не боится, а почему я должна дрожать, как заячий хвост? Если бы он захотел меня изнасиловать, то мог бы это совершить в бане. Никто бы ему не помешал...»

И страх, и желание испытать, познать до конца в себе женщину, а более всего любопытство, приковали девушку к кровати. Она все же переборола себя. Отчим застал ее на пороге.

– Куда ты, Света, на ночь, глядя? – спросил он ласково.

– К Асе Хрумкиной, как и в прошлый раз, – отозвалась она.

– Осталась бы дома. Уже поздно, не ровен час, бродячие собаки искусают или хулиганы в кусты затянут, – уговаривал он ее. – В гостях хорошо, а дома все равно лучше.

Светлана сдалась, успокоенная его уверенным голосом. Возвратилась в комнату. На ней был все тот же легкий сара-

фан, под которым отчетливо угадывались линии гибкого тела, поразившие отчима своей невинностью и доступностью. Но там, в бане он побоялся спугнуть ее поспешными грубыми действиями. Лучше, если она сама привыкнет к нему, перестанет остерегаться его прикосновений. Федор тонко понимал психику просыпающейся в девушке женщины, охватившее ее состояние и страха, и неодолимого желания.

– Что пригорюнилась?– сказал он, войдя в ее комнату. – Нечего себя голодом морить. Мы с тобой заслужили знатный ужин. Накрывай на стол, будь настоящей хозяйкой дома, как тебе велела Анна.

Эта просьба отвлекла ее от сомнений. Она с завидной быстротой собрала на стол салат из овощей, поджарила соломкой картофель. Федор достал из холодильника бутылку портвейна. Сели за стол. Он налил себе полный стакан, а Светлане половину.

– Сегодня мы молодцы! – поднял отчим стакан. – Хорошо поработали, с аппетитом и удовольствием поедим, что бог послал. Верно, говорят, в здоровом теле – здоровый дух. А у тебя тело, как у богини. За тебя очаровательное создание. Он опрокинул и одним залпом выпил содержимое стакана. Ермакова пила медленно, ощущая сладковато-тягучий привкус вина. Впервые она попробовала вино на школьном вечере. Оно тогда слегка вскружило ей голову и сделало веселой и смелой.

Светлана удивилась тому, как Федор лихо, одним залпом,

выпил вино. А ведь в присутствии матери пил нехотя, сдерживал себя и Анне это очень нравилось. Отец Степан, узнал от кого-то из собутыльников завещание Наполеона о том, что «если бутылка укупорена, то она должна быть выпита до дна». Поэтому не поднимался из-за стола, пока не убеждался, что все выпито до последней капли.

Девушка наблюдала, как отчим охотно уминал салат. Он и раньше не жаловался на отсутствие аппетита. Вино взбодрило ее, развеяло одолевавшие сомнения. Она усмехнулась своему намерению пойти на ночлег к подруге. Ей даже показалось странным уходить из родного дома в поисках убежища. Голова кружилась от выпитого вина, а услужливый отчим налил ей полный стакан.

«А будь, что будет»,— поддержала она тост за свое здоровье и выпила, втягивая в себя хмельную жидкость. Ей стало легко и просто.

— Дядь Федь,— прошептала она словно в беспамятстве.— Ты меня не обидишь? Правда?

— Не обижу,— ответил он, воочию представив ее обнаженную фигуру в бане. До момента, как она обнаружила его присутствие, успел всласть запечатлеть в памяти каждую черточку ее неискушенного тела.

Хмель разобрал, сморил Ермакову, что не ускользнуло от его цепкого взгляда. Федор поднялся из-за стола, взял ее на руки. Остановился, раздумывая куда нести: толи в ее комнату, толи в супружескую постель. Перед его взором опять воз-

никло манящее своей молодостью и чистотой девичье тело и он, отбросив сомнения, решился. Бережно положил Светлану на широкое брачное ложе.

— Дядь Федь, пустите, не надо. У меня есть жених Андрей, он служит в армии, — напомнила она, но он зажал рот ладонью.

— Пусть служит, салага, мы ему не мешаем. Не бойся, деточка, все будет хорошо, испытаешь неземную сладость и радость,— шептал он.

На какой-то миг к ней возвратился трезвый рассудок. Она поняла, что находится в постели матери. Открыла глаза и увидела над собой отчима, его широкую заросшую курчавыми волосами грудь. Хотела выбраться из-под него и убежать, но он властно, словно впечатав, положил ее на спину. Нити волос рассыпались по подушке.

— Света, ты когда-нибудь с пацанами занималась сексом? — поинтересовался Федор, хотя и не сомневался в ее целомудрии.

— Нет, нет, как можно? — испуганно прошептала она. — Мамка меня предупредила, что это большой грех, до свадьбы нельзя...

— Это раньше, в древние и старые времена было нельзя, родители и попы запрещали, а теперь, если очень хочется, то можно. Глупо себе и другим отказывать в удовольствиях, — ласково поучал отчим. — Я догадывался, что ты еще девочка. Поэтому займемся твоей дефлорацией.

– А что это такое? – жгучий интерес проснулся в ней.

– В переводе означает «сорвать цветок», превратить девушку в женщину, – пояснил Федор. – Ты еще нетронутый, ароматный полевой цветок, нежный, свежий и сладкий, как нектар. Я очень люблю срывать первые цветы, превращать девочек в страстных, темпераментных женщин. Только не бойся. Рано или поздно, но это приятное событие происходит с каждой девушкой. И чем раньше, тем лучше, больше испытаешь наслаждений за жизнь. Ты же не хочешь остаться старой девой, неудовлетворенной и злой на весь мир из-за неудачной судьбы.

– Не хочу. Никто не хочет...

– Тогда, Светочка, будь хорошей, умной девочкой. Не бойся, не дрожи, ничего страшного, наоборот, тебе скоро станет очень сладко. Ложись удобнее, согни ножки в коленях ...

Девушка, словно под гипнозом алкоголя, затуманившего ее сознание, последовала его совету, лишь на миг, осознав происходящее.

– Дядь Федь, что мы делаем? Отпустите меня, – отрешенно взмолилась она, не имея сил для сопротивления. – Какой ужас...

– Ничего страшного, девочка. Тебе жарко, тебе очень жарко, – повторял он, торопливо снимая с нее сарафан, под которым не было больше никаких препятствий к желанному телу. Светлана ощутила, как его тяжелая ладонь скользнула по ее груди, потом вниз к паху и бедрам.

– Вначале тебе будет немножко больно, – шептал он, подавляя ее сомнения. – А потом очень, очень сладко...

Она, охваченная проснувшейся страстью, затрепетала, как осенний листок. У нее в какой-то момент появилась мысль оттолкнуть его и убежать: «Зачем я осталась дома, лучше бы ушла к Асе». Но в следующее мгновение какая-то дурманящая сила, встревоженные гормоны, девичье любопытство заставили покориться судьбе.

«Ты же сама этого желаешь, – усыплял ее внутренний голос. – Так мамочке и надо, чтобы не забывала свою дочь». В ней пробуждалось чувство ревности, и она отдалась течению времени. Сладкая истома охватила девичье тело, до сего момента не ведавшее мужских прикосновений.

Федор почувствовал ее покорность и действовал умело, как искушенный любовник. Легко раздвинул ее сомкнутые колени, рукой убрал с лобка вздрагивающие руки, бережно прижался телом к ее шелковистой груди, чувствуя, как она невольно тянется к нему. Широкой ладонью охватил ее грудь, ощутив упругий сосок. «Она еще девственница, – по тому, как испуганно дрожала Светлана, безошибочно решил он. – Надо постараться не причинить ей боль, чтобы не вызвать рефлекс неприятия. Она должна почувствовать наслаждение и тогда никто и ничто не сможет вырвать ее из моих рук. Какой-нибудь недотепа мог своей животной, дикой грубостью все испортить».

Этими соображениями зрелого мужчины, давно познав-

шего тайны интимной жизни, Головин пытался сейчас оправдать свои действия: «Если не я, то все равно это неизбежно сделает кто-то другой. Почему я должен отказывать себе в праве первой ночи, в наслаждении, доставляя его и Светлане? Такого уникального шанса может не быть. Глупо не воспользоваться до возвращения Анны».

Федор не торопился. Он бережно ласкал каждую клеточку ее тела, впившись губами в кожу. Лизал мочки ушей и щекал мягкими губами соски. Сознательно не погасил свет в спальней, чтобы видеть ее во всем очаровании, любоваться ее гибким, изнемогающим от желания телом, пылающими губами с жемчужинами зубов.

Светлану охватило неодолимое желание и она, слабо владея собою и не задумываясь о том, что творит, плотно прижалась к его большому, горячему телу. Опытный самец осторожно овладел ею.

Это был не суетливый подросток, а опытный и искусный в плотских утехх самец. Он, не спеша, медленными движениями все глубже проникал в ее хрупкое и такое желанное тело. Знал, что сейчас ей будет больно, но это неизбежно, когда девушка становится женщиной. Главное, чтобы эта боль была мгновенной и надолго не запечатлелась в ее памяти.

– Ой, мамочка, прости меня, – прошептала она, чувствуя, как постепенно боль угасает, уступая место доселе неведомому ей блаженству. Возглас восторга невольно вырвался из упругой груди, и она плотно свела ноги, стараясь продлить

сладостные ощущения.

«Как я была глупа, когда жалела мать, считая, что Федор причиняет ей боль, — на миг подумала Светлана. — Она же стонала от радости, которую только что постигла я сама...»

— Так тебе и надо,— вслух произнесла она, радуясь, что отчим предпочел ее матери. Наслаждение, которого она давно жаждала и боялась, как тягучий мед, заполняло каждую клеточку ее молодого, гибкого тела. Светлана затрепетала, распахнув бедра, из груди ее вырвался крик восторга. Движимая инстинктом, она потянулась горячими губами к лицу Федора и он с радостью, что все получилась так, как и хотел, поймал ее долгий и искренний поцелуй.

— Тебе больно, девочка?

— Нет, лишь вначале, немного было, — прошептала она пылающими губами, уткнувшись лицом в его грудь. Он нежно, по-отцовски, гладил рукой ее спутанные в беспорядке волосы, чувствуя, как она теплой ногой трется о его колено, податливо тянется к нему трепетными бедрами, готовая раствориться в нем. Головин осторожно, как драгоценный сосуд, держал ее в руках, боясь грубым движением причинить боль.

— Что, что мы натворили? — вдруг протрезвела Светлана.— Господи, грешница я. Это все вино, вы специально подстроили?

— Успокойся, Светка, шоколадка, конфетка, теперь ты ехавшая.

– Что это такое?

– Готовая к употреблению, – он поцеловал ее в глаза. – Будь умницей, рано или поздно, а лучше, чтобы пораньше, это случается с каждой антилопой.

– Почему с антилопой?

– Потому, что так зовут девочек. Не надо из того, что случилось, делать большой трагедии, впадать в отчаяние, паниковать. Не со мной, так с кем-то другим ты бы лишилась невинности. Такова природа человека, тайна и прелесть отношений между мужчиной и женщиной. Мы лишь следуем этим вечным, не нами придуманным, законам природы. Я, когда увидел тебя в бане, то не захотел, чтобы это был кто-то другой. Такой вот я неисправимый эгоист. Сама не догадываешься, какое ты сокровище, созданное исключительно для любви и наслаждений. Ты не пожалеешь о том, что я стал твоим первым мужчиной, крестником.

– А как же мама? – по инерции спросила она.

– Она не должна об этом знать, – твердо сказал отчим. – Не сердись на меня. Я буду тебя любить, как дочку.

– Дядь Федь, а кем ты теперь будешь спать?

– С Анкой, – удивился он ее вопросу.

– А со мной?

– И с тобой, сладкая моя девочка, – успокоил он ее. – Но не так, как сейчас. Ты ведь теперь взрослая девица и все понимаешь. Анна – моя супруга и это мой супружеский долг доставлять ей удовольствие.

– Но вы до сих пор не расписаны?

– Ах, Светка – конфетка, будешь много знать, скоро состаришься. А старухи для любви не годятся. Запомни, любовницей быть даже лучше, выгоднее, чем официальной женой.

– Почему?

– Слишком ты любознательная, – пожурил Федор. – Потому что с женой приходится исполнять супружеский долг, трудовую повинность, а с любовницей все происходит по любви в пылу горячей страсти.

Этот ответ, похоже, ее удовлетворил. Взмолвленная происшедшим, она ушла в свою комнату, не одеваясь заснула, разбросав по сторонам руки. Впечатления, вскружившие голову, вино сморили Светлану.

«Теперь я не смогу порвать с ней связь, – размышлял Головин, оставшись один. – Вкусив, отведав запретный плод, она сама этого не позволит. В ней чувствуется неукротимый темперамент, порода. Она долго маялась в ожидании этого случая, в ее крови, ища удовлетворения, бурлят гормоны. Обязательно бы отдалась какому-нибудь глупому подростку. С ней я испытал наслаждение, острее и ярче, чем с Анной. Девственница омолаживает мужчину. Что ж теперь придется делить любовь между матерью и ее дочерью. Главное, чтобы Светка на радостях не проговорилась и не выдала себя странностями в поведении. Черт знает, как поведет себя завтра?»

Утром он пробрался в ее комнату и, глядя на безмятеж-

но спящую обнаженную женщину, потянулся к ее бедрам, но переборол себя. «Она не должна пресытиться, лучше, если сама испытает влечение ко мне», – благоразумно решил он. Не стал будить, а заботливо прикрыл сползшейся простыней. Пусть выспится, ведь столько впечатлений за один вечер и ночь, крутой поворот. Наспех позавтракав, он ушел на работу.

Ермакова в сомнениях в тревоге промаялась целый день. Стоя перед зеркалом, в чем мать родила, она внимательно рассматривала гибкое изящное тело, выискивая в нем изменения. Искренне удивлялась: «Неужели тело при соитии с мужчиной способно доставлять райское наслаждения, от которого она не в силах отказаться?»

Потом бесцельно бродила по комнатам дома, прилегла на кровать матери, вспоминая вчерашний вечер и ночь, вышла во двор. Нетерпеливо взирала на часы, в ожидании отчима.

В полдень почтальон тетя Варя принесла очередное письмо от Андрея Хвыли из города Николаева, где он после курсов служил сержантом в отдельной роте химической защиты учебной дивизии.

Минуло больше года, как его призвали на срочную двухгодичную службу. Приходило по два-три письма в неделю. Светлана едва успевала отвечать на его теплые, нежные признания в любви и верности. Она с радостью ждала его солдатских весточек.

– Свет, а тебе от твоего солдатики снова привет! – громко

позвала ее с улицы от калитки почтальон. Голос проник через открытую форточку. Ермакова вышла из дома и направилась к калитке.

– Ну-ка, пляши, а то не отдам! – велела женщина, заведя ее смущенный вид. – Почему не радуешься? Часом не заболела или, может, с отчимом поссорилась?

– Плохо спала, всю ночь снились кошмары, – солгала она.

– Тогда бери письмецо, – не стала допытываться тетя Варя, навьюченная тяжелой сумкой, отдала конверт. – Пусть оно тебя развеселит и утешит. Передай Андрею от меня привет и не забудь, когда жених отслужит, пригласить меня на свадьбу. Красивая пара. А мать еще не приехала?

– Нет, не приехала.

– Отчим, Федор, тебя не обижает?

– Не обижает. Спасибо тетя Варя за письмо, – сказала Светлана, поспешно свернув диалог, и не задерживаясь, направилась к веранде. Женщина проводила ее взглядом, подметив, что она, вопреки привычке, сгорая от нетерпения, не распечатала письмо на ходу. «Видно не в настроении», – подумала почтальон и, подхватив сумку с газетами, журналами, письмами и телеграммами, поспешила к соседним домам.

Наступил вечер. Возвратился пропахший соляжкой и машинным маслом Головин. Как обычно поужинал, управился по хозяйству. Со Светланой был холодно сдержан, словно между ними ничего не произошло. Ее душила обида. Отка-

залась смотреть телевизор, тихо ушла в свою комнату. Он тоже вскоре удалился в спальню.

«Господи, что я совершила? Обещала ведь Андрею, ждать и ни с кем не любезничать. Что я ему теперь напишу? – размышляла она, поняв, что после случившегося переписка потеряла смысл. – Я неспособна ему солгать, да и какой в этом резон».

Андрей, сын бригадира тракторного парка Назара Остаповича Хвыли, был старше Светланы на три года. Перед призывом в армию они встречались на свиданиях не более полугода. Вели себя скромно и сдержанно, лишь один раз она позволила поцеловать себя в губы, а не в щечку, как обычно. Затрепетала, когда Андрей, охваченный желанием, сомкнул на ее тонкой девичьей талии руки и прижал к себе.

«Что теперь делать с солдатскими письмами? Сжечь? – размышляла Ермакова. – Нет, пусть останутся, как память о несбывшейся мечте, ведь в них душа и тепло Андрейкиного сердца». Ее душили слезы обиды и разочарования. Она металась по комнате, как дикая птица в тесной клетке, но вкусив запретный плод, не в силах была устоять перед соблазном. «Надо было с мамкой поехать и тогда бы ничего не случилось, – размышляла Ермакова. – Сама виновата, могла бы уговорить, настоять, а не доверять Федору. Все он правильно рассказал, сначала было немножко больно, а потом словно мед по всему телу разлили. Как интересно и сладко, когда твое тело ласкает сильный и нежный мужчина, как хорошо

делает и хочется снова испытать наслаждение».

Федор выждал момент, когда Светка отлучилась к Хрумкиной. Вошел в ее комнату, отбросил покрывало на ее постели. Достал из кармана флакон с порошком и слегка припорошил простыню. «Теперь полный марафет, сама ночью, как ошпаренная кипятком, прибежит и бросится на шею», – с удовлетворением подумал он. Второй флакон с порошком Головин прятал в кабине трактора. Планировал в один из погожих дней, самостоятельно или со Светкой съездить на берег Азовского моря в Каменку. Выловить и высушить медуз, пополнив запас, эффективного биостимулятора. Ведь впереди долгая зима.

Вечером, ворочалась в постели, стиснув зубы, Ермакова уговаривая себя: «Ни шагу в спальню матери». Но жгучее воспоминание воскресило в ней сладкие ощущения минувшей ночи. Она чувствовала, что неспособна устоять перед охватившим ее желанием. Федор разбудил в ней дремавшую неумную страсть.

Ощутила зуд и приятное жжение в промежности. С приливом крови вспыхнуло неодолимое возбуждение и желание, словно кто-то невидимый включил тайный механизм. По телу пробежала дрожь, а в паху стало тепло и томно, как под струями горячего душа. Светлана невольно потянулась рукой к лобку и пальчиками бережно погладила мягкий ворс.

И на эти ласки, охваченное желанием и страстью, тело отозвалось приливов пульсирующей крови, зашумевшей в ее

висках.

«Нет, Света, остановись, нельзя, что ты делаешь, опомнись», – подсказывал ей здравый разум.

«Утоли мою жажду в сладости и неге», – властно требовало непокорное, молодое и горячее тело, созревшее для зачатия новой жизни и хмельных утех. И, если зачатия, выбирая неопасные периоды или предохраняясь другими способами и средствами, можно избежать, то сладость утех, толкающая мужчин и женщин в объятия, гарантирована.

Мудрая природа и высший творец предусмотрели соблазнительный и безотказный механизм воспроизводства себе подобных, рода человеческого. Такой принцип действует и в мире других живых организмов. Возможно, и растений в процессе опыления соцветий.

Вкусившая запретный плод, Ермакова об этом знала и остро желала, чтобы снова повторилась ночь любви со страстными поцелуями и ласковыми словами, медленными и быстрыми проникновениями в ее тело. Она держала ладонь на полыхающем жаром лобке, понимая, что тело, словно отделившаяся от ее разума субстанция, вышло из подчинения, не реагирует на приказы сознания. Оно пронизано и пропитано сладкой отравой, неудержимо рвется из маленькой спальни, в которой Светлана тщетно пыталась скрыться. По ее чувственному телу пробегали волны непреодолимого желания. Она подошла к двери. Прислушалась – тихо.

С охватившим ее страхом подумала: «А вдруг Федора

нет? Мать ведь предупреждала, что он может уйти к другой женщине. Странно, зачем ему уходить, если я здесь, рядом. Приду по первому зову, ноги сами приведут». В душе устыдилась своего тайного желания. Возвратилась и села на кровать, взяла книгу, полистала и положила на тумбочку. Растревоженная и неутоленная плоть настойчиво напомнила о себе.

«Однако, где Федор?» – Светлана подошла к двери и легонько поскреблась ноготками о дерматин. Прислушалась и с замиранием сердца слышала голос отчима:

– Что там за мышка-норушка, мне спать не дает и сама не спит?

– Дядь Федя, это я, – с мольбой и дрожью в голосе отзывалась она.

– Заходи, Света. Я думал, что ты устала или обиделась, решил тебя не беспокоить, – произнес Головин.

– Нет, не обиделась, – с лихорадочным блеском в глазах ответила она, переступив порог. – Мне самой скучно и одиноко.

– Не робей, проходи ко мне сюда, – велел он с радостью и, приподнявшись, как матерый, хитрый зверь, терпеливо дождавшийся заведомо гарантированной добычи, указал сильной с мохнатой порослью рукой на брачное ложе. Похотливыми, налившимися кровью глазами, он ощупывал ее стройную, изящную фигуру под светлой, словно пеньюар, ночной сорочкой. И потому, как вздрагивая, она приближалась на

непослушных ногах, понял, что разбудил в ней страстную женщину и получил власть над ее чувствами и желаниями.

– Светочка, сладкая моя деточка, ложись рядышком, – прошептал и сильными руками оторвал ее от пола, ощутив пылающее под тканью тело, властно опрокинул спиной вниз на ложе.

Поспешно снял с гибкого тела ночную сорочку. В сиянии люстры падчерица предстала в своей женственной красоте. Федор ласкал ее взглядом и руками, легонько массируя грудь, соски, изящный с тонкой талией живот, бедра. Прикусив влажные губки, она слегка стонала, возбуждаясь от прикосновения его рук.

«Все детство, романтика закончились», – подумала Светлана в предвкушении близости с сильным мужчиной, влекущим в сладкую бездну. Не отдавая себе отчет в том, что делает, словно в полусознательно-сонном состоянии, прильнула к нему. Головин терпеливо ждал этого момента, заведомо зная, что она уже во власти искушения.

– Дядь Федь, ты меня уже разлюбил? – с дрожью в теле и слезами в голосе произнесла она.

– Нет, милая моя девочка, я каждую секунду только о тебе и думаю, даже голова разболелась, – ответил он.

– Почему же ты меня тогда не замечаешь, не ласкаешь?

– Не хочу причинить тебе боль.

– Боль уже прошла и мне очень сладко, – призналась Светлана. – Я даже не могла себе представить, какое это блажен-

ство.

– Прости меня, что заставил ждать, сомневаться и мучиться, – нежно прошептал Федор в ее милое ушко и пропел. – Тебя мою желанную, не зря зовут Светланой...

– Эта песня, говорят, когда-то была очень популярной, – прошептала она, прижавшись к нему горячим телом.

– Да, очень популярной в годы моей юности, – подтвердил он и с азартом произнес. – Радуйся, ликуй, Светка-конфетка! До этого ты была глупой антилопой, а я превратил тебя в настоящую женщину, темпераментную и сладострастную. Ты должна благодарить и во всем меня слушаться. В любое время, когда я захочу, отдавайся без возражений.

– А как же мамка?

– Она тоже не будет обижена, меня на десяток баб хватит, в этом деле я не утомим, – с гордостью признался он.

– Кончилось твое унылое и беззаботное детство. Гордись и радуйся, Светка, что превратилась в женщину, пылкую и страстную. Я тебе многому научу. Секс – это не шалей-валяй, а настоящее искусство – Камасутра. Теперь ты моя ма-руха, – заявил отчим и предупредил. – Если перестанешь давать, то я тебя на все село опозорю. Будут дразнить шлюхой. Матери, учителям, подругам, никому не рассказывай о нашей тайне. Если проболтаешься, то раздавлю, как гниду.

Ермакова натолкнулась на его колючий взгляд. По телу пробежала дрожь, ее на мгновение пронзил страх.

Федор вновь с упоением овладел ею и не отпускал до

утра. Впрочем, Ермакова, покорившись его воле, сладострастию не торопилась. Отдала ему в полное распоряжение свое юное, горячее тело.

9. Чары сладострастия

С этого дня Головин уговорил Светлану вместе париться в бане. Она томила, нетерпеливо поджидая его возвращения с работы. Охотно уединялись в парилке и предавались любовным утехам в разных позах. Испытав сладость, восторг от совокуплений, которым ранее здесь испытала мать с сожителем, Ермакова почувствовала себя женщиной. Ощущала гордость от обладания этой тайной.

– Дядь Федь, ты меня любишь? – неожиданно спросила Светлана, когда они вошли в жаркую парилку. «Ну, вот и эта кошка ничем не отличается от других, желающих повелевать мужиками, – с тоской подумал Головин. – Все бабы из одного теста, стараются набить себе цену. Анна тоже постоянно требует признания в любви и дочка тоже в матку уродилась. Разве недостаточно того, что я затрачиваю на них свою энергию и чувства. Не желают этого понять своими куриными мозгами».

– Света, какой же я тебе дядя, если мы с тобой живем, как муж и жена или любовница?

– Не называть же тебя папой?

– Зови просто Федором. Смотри при Анне не проболтай-

ся, называй отцом или дядей Федором.

– Ты любишь меня? Сейчас же признавайся, – проявила она настойчивость. «Вот пристала, как банный лист», – посетовал он, ища лазейку, чтобы уклониться от прямого ответа.

– Наслушалась сказок. Сама ты хоть знаешь, что такое любовь? – озадачил он ее встречным вопросом.

– Это такое светлое, неземное чувство, когда люди не могут жить друг без друга, от любви у них рождаются дети, – ответила Ермакова.

– Вот именно, рождаются дети – цветы жизни, нередко с острыми шипами, как розы, – усмехнулся Федор и пояснил. – Какой-то поэт, фамилию его уже не припомню, называл любовь прикрашенным инстинктом деторождения. И я с ним полностью согласен, что в этом нет ни чуда, ни романтики. Рожают же себе подобных детенышей коровы, кобылы, овцы, кошки, собаки и прочие существа без всякой любви, а по законам дикой природы. И люди туда же, чтобы не исчез человеческий род на земле. Это чисто биологическое явление, связанное с зачатием, развитием плода в утробе женщины и рождением ребенка.

Но люди, особенно поэты, художники, музыканты обоже- ствили это обычное явление, окружив тайной и романтикой.

– Все же в этом есть тайна, – возразила она.

– Мы должны обмануть твой организм, не допустить зачатия, – поставил он цель. – Поэтому Света предохраняйся, чтобы не пришлось тебе лезть на кресло и делать аборт. Это

очень больно.

Увидел, что озадачил ее неутешительной перспективой.

— Ладно, Света, меньше слов, а больше дела, — улыбнулся он и положил свою широкую ладонь на ее прелестную грудь. — Давай подарим друг другу райское наслаждение. На практике докажу тебе свою любовь. Присядь на край лавки, чтобы тебе было удобно.

Она послушно выполнила просьбу. Смежив веки с длинными, пушистыми ресницами, запрокинула голову со сбегаящими за спину нитями волос. Капельки воды бриллиантами сверкали и дрожали на ее атласной коже, бисером скатывались вниз. Федор похотливо взирал, восхищаясь ее желанным и доступным телом.

Не дождавшись его действий, она приподняла голову, разлепила ресницы и в следующее мгновение ощутила горячую плоть.

Будучи искусным любовником, Головин действовал уверенно. От страсти ее груди набухли упругими колоколами, тело охотно принимало ласки, из полуоткрытого рта вырывались стоны и всхлипы восторга. Она металась и извивалась под его сильным и неутомимым телом.

— Светочка-конфеточка, — шептал он, покрывая нежное личико, глаза, губы пылкими поцелуями и бережно, словно скульптор белую глину, мял упругую грудь. Она затрепетала, плотно прижавшись к нему бедрами, лобком и страстно вскрикнула, охваченная оргазмом.

Федор, едва успел отлипнуть, обильно разрядился спермой на девичий живот. И немедленно велел:

– Живо смой, чтобы не подцепила.

Но Светлана расслабилась. Он сам стер полотенцем сперму с ее живота. Разбросав по сторонам ослабевшие руки, девушка затихла, расслабилась, изнемогая в блаженстве медленно угасающей страсти. Потом он посадил ее на свои колени. Света отдыхала, склонив прелестную голову с ореолом русских распущенных волос на его широкую с темной курчавой порослью грудь. Прислушалась к учащенному биению своего сердца. Ей казалось, что оно не выдержит сладости, блаженства, яркости ощущений и непокорной дикой птицей выпорхнет из груди.

– Света, пригласи к нам на вечеринку свою подружку Асю? Мы позабавимся в бане.

– Вдвоем с Асей? Это же извращение, мы—не лесбиянки?

– Будем париться втроем, – ответил Федор. – Испытаем сладкие, ни с чем несравнимые ощущения. Такие забавы сейчас очень популярны в Америке и Европе и до нас докатились.

– Хорошо, я ей предложу, – загадочно заблестели Светкины глаза.

– Только заранее не говори, что я тоже буду париться с вами, чтобы не испугалась, – предупредил мужчина. – Когда разденетесь, она войдет в парную, ты задержишься в предбаннике, откинь крючок на входной двери. Впрочем, можешь

вместе с ней идти в парную, я наловчился снаружи легко открывать дверь.

Ермакова вспомнила, как в первый раз неожиданно для себя обнаружила отчима в бане.

– Ася с кем-нибудь спит?

– Нет, она скромная, застенчивая девочка.

– Жаль, но ты ее психологически подготовь. Скажи, что это не больно, а приятно и сладко, – посоветовал Головин.

– Она спросит, откуда я об этом знаю, – сообразила Светлана. – Придется сознаться, что я испытала на себе.

– Ни в коем случае! – возразил Федор. – Скажешь, что теоретически, прочитала в книге. А после того, как она, став женщиной, испытает блаженство, то и сама будет держать язык за зубами. Понятно?

– Понятно, – ответила она и с ревностью подумала: «Зачем ему потребовалась еще и Ася, если нам вдвоем хорошо?» Потом спросила:

– Чем мы будем заниматься в бане?

– Устроим любовные игры и прятки. И та из вас, которая попадется в мои руки, будет вознаграждена моей любовью.

– В таком случае, я от тебя не стану убегать, – сказала Ермакова.

– Света, не будь эгоисткой. Твоя подружка тоже должна испытать блаженство, – пожурил он ее. – Для меня это не составит большого труда. А потом мы втроем будем обниматься, целоваться и развлекаться. Ты даже не представляешь,

какой это кайф. Сами после этого будете предлагать походы в баню. Надо поторопиться, пока Анна не приехала. Завтра же поговори с подругой и пригласи ее вечером на чай и кофе. За столом я возьму дело в свои руки, уговорю Асю попробовать вина.

–Хорошо, Федор, – опьяненная и удовлетворенная его ласками, заинтригованная фантазиями и обещаниями неземных наслаждений, согласилась Светлана, а он подумал: «Пиком блаженства было бы уговорить Анну на групповой секс. Ох, и зажил бы я тогда всласть. Катался бы, как сыр в масле. Надо осуществить эту замечательную идею. Может, придется шантажировать Анну своим уходом к другой женщине, если она не согласится на такой способ сожителства с ней и ее дочерью. Учитывая ее возраст, жертвовать наслаждением, она не станет. Кому она после меня будет нужна, когда вокруг молодых, покладистых и горячих баб, хоть пруд пруди.

Для женщины это сладкое искушение, она готова на все ради удовлетворения своей плоти. Пока Анны нет, Светка-конфетка в моем полном распоряжении. Узелок легко развязался, завязать его она уже не в силах. Очень велик и непреодолим соблазн. Природу не перехитришь. Чтобы люди плодились, она и создала это чудесное, хмельное лакомство. Поживу в свое удовольствие, пока есть такая возможность». Облизал полные губы с ненасытной похотью матерого самца.

– Света, ты утром постирай простыни, чтобы не осталось подозрительных пятен, и Анна не узнала о наших забавах, – велел он. – Помнишь такую мудрую поговорку: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Имей в виду, я не скупой, а щедрый. Хочу, чтобы ты и Ася, пока твоей мамки нет, познали не из книг, а на практике, что такое медовый месяц, вкусили сладость и испытали радость. Сколько лет твоей подруге?

– Тоже семнадцатый пошел. Лишь на два месяца моложе меня.

– Годится, – с удовлетворением сказал Федор. – Хороша антилопа. Она с пацанами гуляет или только мечтает?

– Нет, Ася – недотрога.

– Тем лучше, самый смак. Проверю, какая она недотрога? Может, притворяется невинной, чтобы набить себе цену? Зови ее, завтра устроим банный день. В чистом теле должен быть здоровый дух.

– Вдруг у нее после этого животик начнет расти?

– Соображаешь, откуда дети берутся.

– Не в капусте же их находят, как родители в детстве рассказывали, – усмехнулась Ермакова и пояснила. – В школе на уроках биологии генетику изучала, о наследственности и изменчивости.

– Значит продвинутая. Так вот, Светка, гляди, чтобы у тебя брюхо не росло. Я вас, девки-скоропелки, оплодотворять не собираюсь, зато сладость испытаете с большим удоволь-

ствием.

– Я не хочу ни с кем делиться, – ревниво заявила падчерица.

– Не жадничай, у меня хватит энергии для тебя, твоей подруги и еще Анне достанется, никто из вас не будет обижен, – уверенно произнес Головин. – Чем раньше отведаете запретный плод, наберетесь опыта, тем лучше для вас. Меньше совершите ошибок и глупостей по неопытности и наивности. В Китае, да и многих других странах юных девочек с детства учили искусству жриц любви.

Вот и я вам бесплатно преподам эту очень сложную и тонкую науку. Если будет туго, то в любое время можете отправиться на заработки в Турцию, Грецию, Испанию, Германию, Нидерланды или в Россию.

– Никуда не хочу уезжать?

– Тебя никто и не гонит. Я просто нарисовал перспективу на всякий пожарный случай, – деловито пояснил отчим падчерице и с удовлетворением подумал: «Эх, работы в селе непочатый край. Почти каждый второй мужик алкоголик и импотент. А бабам то хочется нежности и ласки. Девки, свеженькие, кровь с молоком, быстро созревают под южным солнцем. Будет где разгуляться удалому молодцу».

10. Крутой разговор

На закате, когда солнце скрылось за земной твердью,

окрасив кучевые облака багряно-алым цветом, Головин пригнал с поля Т-74 на тракторный стан. Заглушил двигатель, вылез из кабины, спрыгнул с трака гусеницы на землю. Снял куртку, стряхнул с нее пыль.

– Федор! Федор, подгребай к нашему шалашу! – услышал он громкий окрик и обернулся на зов. У открытых ворот ремонтно-механической мастерской стоял механизатор Иван Колупай.

– Что тебе? – без энтузиазма отозвался Головин.

– Стахановец, поди-ка сюда, есть разговор.

– Сам ко мне иди, невелика шишка.

– Я по поручению Хвыли, – солгал Иван.

– Хвыли? – призадумался Федор. – «Интересно, что бригадиру от меня надо? Мог бы и сам без посредника сообщить, ведь почти каждый день наведывается, проверяет выполнение нормы, качество, глубину вспашки, чтобы без брака».

– Ладно, – согласился он. Оставив куртку в кабине трактора, неспешно направился к мастерской. Вошел в помещение и увидел еще двоих по характеру задиристых трактористов Кирилла Ерша и Петра Репчука. По их угрюмым лицам и колочим взглядам понял, на какой разговор пригласил Иван. Они сидели на скамье за столом, покрытым листом оцинкованной жести, где обычно доминошники забивают «козла». Федор пристально поглядел на Колупая.

– О, ты, Ванька, не один. Шустрая гоп-компания собра-

лась, в самый раз сообразить на троих, заложить за воротник, – ухмыльнулся Головин. – Так, что бригадир велел передать? Выкладывай, не тяни кота за хвост. Устал, как вол, жрать охота, дома дочка ждет...

– У тебя, Федор, после чифиря глаза навывкате, лезут из орбит. Все равно, что допинг, наркота. От избытка дурной энергии готов горы своротить. Нам за тобой не угнаться. Нечего по две-три нормы делать, – упрекнул Кирилл. – Ты здоровый бугай, а нам с одной нормой трудно справиться. Почти всех трактористов подвел под монастырь.

– Меньше надо пить и ляды точить, доходяги, жуки навозные, бздуну колхозные, – усмехнулся Головин.

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, – фальцетом пропел Репчук и осекся, напоровшись на колючий взгляд Федора.

– Не дождетесь! В моем роду одни долгожители, – заявил Головин. – Я вас быстрее в могилу сведу.

– По-доброму тебя просим, сбавь обороты, не царапай землю. Откуда ты на наши головы свалился. Работали ведь спокойно, не рвали жилы. Выполняли по полторы нормы и получали премии, а теперь жалкие гроши. Из-за тебя, стахановца, ударника труда конторские крысы чуть ли не каждый месяц завышают нормы выработки на вспашке, культивации, – подал голос Петр. – Смотрят на твои показатели и нас напрягают. Заставляют плясать под твою дудку. Так и по миру с торбой пустят...

– Что вам, сухарики, от меня надо? Может, прикажите за вас, тунеядцев, лямку тянуть? А вы будете сидеть на печи и кушать калачи.

– И Хвыля, как тот тюфяк, не может, или не хочет за интересы трудового народа постоять. Оно и понятно, ведь вы с ним почти свояки. Как только его сын Андрей отслужит в армии, жениться на Светке, окончательно породнитесь. Умоляем, сбавь темпы, работай, как все. Не высовывайся в ударники, – посоветовал Колупай. – Откуда ты, такой ретивый и упертый, как хохол репный? Работал бы себе на ферме возле баб и коров. Так нет, напросился в бригаду, захотелось в поле разгуляться. Погулял и катись назад, развози на колесном МТЗ корма животным.

– Болт вам на рыло! У меня от запаха коровьих «лепешек» и мочи аллергия, – заявил Головин. – Катитесь сами на все четыре стороны.

Он намеревался развернуться и уйти, но Колупай поднялся, сжал пальцы в кулаки, приблизился и с вызовом сообщил:

– Федор, колись! Мы с Репой проверили качество твоей вспашки, Оказывается, что ты только по краям пашешь, как следует, а в середине поля скребешь плугом. Фальшивый стахановец. Так каждый может стать передовиком. Напишем докладную Якову Абрамычу в контору, накроется твоя премия...

– Ах ты, стукач, гнида, сморчок, – сквозь зубы процедил Головин, заметив, что Репчук и Ерш, держа в руках массив-

ные ключи, обступили его с обеих сторон. Следя за их движениями, отступил на шаг, а потом резко, по-боксерски выбросил вперед кулак правой руки. Удар пришелся под левый глаз Ивана. Тот вскрикнул от боли и, словно птица, взмахнув руками, едва удержался на ногах. Мешок под глазом налился кровью и заплыл. Перед взором растаял едва различимый силуэт Федора.

– Мужики, всыпьте ему! Репа, дай ему в харю, чтобы кровью захлебнулся, – фальцетом взвизгнул пострадавший, но Головин опередил. Тяжелым ботинком с заклепками ударил Петра в пах. Тот взвыл от дикой боли, выпустил из руки ключ, схватился за место, где скрывалась мошонка.

Согнулся в три погибели. Кирилл резвым козленком лихо отпрянул в сторону, не рискнув приблизиться к верзиле.

– Ты куда, Ерш? Подходи и тебя за компанию долбану по глупой башке. Твои кореша получили свою пайку, а ты, как заяц, спрятался в кусты. Нехорошо, не по-братски.

Тот не рискнул приблизиться к верзиле.

– Ну, что, «три богатыря», поговорили, побазарили, – самодовольно изрек Федор, разминая пальцы руки, куражась.

– Мы заявим в милицию, участковому Удоду, – пригрозил Колупай, боясь прикоснуться к заплывшему кровью глазу. – Загремишь на нары суток на пятнадцать. Там тебе быстро мозги вправят.

– Дохлый номер, закон на моей стороне – самооборона против трех алкашей. Вас трое быков, а я один и с голыми

руками.

– Ты меня первый ударил, а не собирався тебя бить. Лишь припугнуть решили. Петр и Кирилл подтвердят, – сказал Иван. – Жаль, что нет с нами Степки Ермакова. Он бы тебе всыпал жару-пару.

– Степку, сморчка, что от горшка два вершка, сотру в порошок. Если заложите, то всех так отрехтую, что живого места не останется, – Головин метнулся к ящику с инструментами, схватил монтировку и со зверской гримасой, скаля крупные зубы, надвинулся на Колупая. Тот, словно подростком, дрогнул и бросился прочь из мастерской. За ним устремились Репчук и Ерш. Засунув два пальца в рот, Федор пронзительно засвистел и закричал вдогонку: – Эх, вы, жуки навозные, бздуны колхозные. Впредь козлам наука будет, больше не сунетесь.

«Разбежались, как трусливые зайцы, теперь никто не посмеет сунуться», – с чувством победителя подумал он. Какие мысли обуревали позорно сбежавших механизаторов, осталось неизвестно. На следующее утро Колупай и Репчук отлеживались, залечивая раны и травмы.

Обеспокоенный их отсутствием, Назар Хвыля узнал о потасовке в ремонтно-механической мастерской и посетил Колупая.

– Иван, що трапылось? – спросил бригадир у пострадавшего механизатора, взирая на синяк под его глазом.

– Вечером после работы собрались мы с Ершом и Ре-

пой в мастерской. Ждали, когда подъедет Головин, чтобы поговорить с ним по-человечески, — пояснил тракторист. — Упрекнули его за то, что, как прокаженный, гонится за длинным рублем. Нам из-за него конторские крысы для экономии фонда зарплаты увеличивают нормы выработки.

— Да, маемо цю справу, — вздохнул бригадир.

— Назар, он же тебя и всех нас за нос водит.

— Майже?

— Знаешь, почему этот ударник, стахановец, постоянно в передовиках, дармовые деньги гребет лопатой?

— Ни, не знамо.

— То-то и оно. Мы не поленились и в выходной день вместе с Репой побывали на поле, которое недавно вспахал Федор. Взяли с собой линейку и замерили глубину вспашки в разных местах.

— Що зъясувалы? — оживился бригадир.

— На участках по краям поля глубина составила тридцать сантиметров, а в середине — не более десяти-пятнадцати. Бракодел, халтурщик Федор, потому и скачет по полю галопом. Берет количеством гектаров, а не качеством вспашки. Так любой из наших трактористов может, не шибко мозоля руки, стать стахановцем.

— Мабуть вы помылылись? — Хвыля озадаченно почесал правой рукой толстый затылок.

— Не ошиблись, именно Головин работал на том поле. Проверьте по нарядам. Когда я ему об этом сказал, то Федор

озверел, набросился. Мне вот «фонарь» навесил, а Петьку ударил ботинком по яйцам. Только Ершу ничего не перепаало. Сегодня же напишу заявление участковому инспектору Удоду и директору Дягелю. Пусть они, бешеного быка, посадит в каталажку на пятнадцать суток, а еще лучше лишат премии, уволят из нашего сельхозпредприятия.

– Иван, не хвляйся, заява не треба, – попросил Хвеля, понимая, что из-за скандала и позора пострадает, лишится премии вся бригада. – Я самотушки с ним поспилкуюсь, щоб руки не распускал.

– Пусть Яков Абрамыч мне и Репе оплатит больничные, пособие на медикаменты, лечение и питание, а Головина оштрафует за брак в работе, лишит премии. Такие наши условия.

– Добрэ, – пообещал бригадир, довольный исходом беседы. – Репчуку скажи, щоб не пысав заяву. Я сам поспилкуюсь с Дягелем.

В полдень приехал к Головину, который занимался вспашкой поля. Лемеха плуга выворачивали пласты почвы. Бригадир подал знак рукой, мол, остановись. Не заглушая двигатель, Федор выглянул из кабины трактора. Назар пристально взгляделся в его лицо, надеясь подметить следы драки, но тщетно.

– Что ты, Федор, руки распускаешь? Устроил мордобой, – пожурил он. – Ивана и Петра изувечил. Одному глаз подбил, другому – яйца. Вывел мужиков из строя. Когда они теперь

очухаются?

– Самооборона, имею право. Надо было и Ершу всыпать, но сбежал, гнида – пояснил Головин. – Не я первым начал. Они затеяли драку, трое на одного, решили скопом меня проучить, вот и нарвались. Надолго запомнят и больше не сунутся.

– Самооборона? Да у тебя ни одной царапины на обличье, а воны корчатся вид боли, – усмехнулся Хвыля. – Тебя бы следовало за превышение такой самообороны привлечь к ответственности.

– Надо с умом обороняться, – возразил тракторист. – Они – тюфяки, а меня жизнь многому научила.

– Служил что ли, что так ловко с троими расправился?

– Да, служил в ВДВ, в спецназе, – солгал Головин.

– Что же тебя в наши края занесло? – удивился бригадир, но Федор не ответил. Назар продолжил. – За что они хотели тебе бока намять?

– За ударный труд. Мог пострадать за правое дело. Их, лентяев, жаба давит, что я постоянно перевыполняю нормы. Наверное, забыли лозунг «Кто не работает, тот не ест».

– О-о, ты заговорил цитатами, как когда-то наш парторг. Точно бы сагитировал тебя в партию.

– Мне от этого ни холодно, не жарко, я сам по себе.

– Колупай собирается снять побои и заявить в милицию и директору об избиении. С трудом его отговорил, – сообщил Хвыля. – Участковый Мыкола Удод настырный, въед-

ливый, как серная кислота, много бы нервов и крови испортил. Не хочу впутывать милицию. Скажем, посадят тебя на пятнадцать суток, а кто будет в поле работать? Сейчас, пока не пошли дожди, каждая минута на вес золота...

— Да, на вес золота, а может и платины, — подтвердил Головин. — От этих хмырей пользы, как от козла молока. Много они тебе напашут, с них, где сядешь, там и слезешь. У меня, что ни день, то рекорд. Не зря мужики зовут стахановцем. Спасибо за отмазку, век не забуду.

— Колупай казав, що ты халтуришь, мелко пашешь, гонишь вал, а не якисть. Тому не распускай руки, не халтурь, бо лишу премии.

— Ивану рога обломаю и другим намну бока. Вся их гопкомпания будет работать на аптеку.

— Есть еще один аргумент в твою пользу.

— Какой еще аргумент?— Может, станем родней, сватами, когда сын Андрей отслужит и жениться на Светлане. Меньше года осталось ждать, — с удовлетворением напомнил Назар.

— Да, породнимся, будем ходить друг к другу в гости, на юбилеи, именины и крестины. Эх, Назар, заживем в свое удовольствие, никто нам не посмеет перечить. Возьмем власть в селе в свои руки. А, если Удод вздумает качать права, то накатаем на него «телегу» в райотдел или в прокуратуру о том, что пьянствует, не просыхает — с азартом поддержал тракторист.

— Краще их не чепаты. Федор, все же держи себя в руках,

не горячись. Подальше от греха, ведь с милицией шутки плохи.

– Конечно, плохи, с фараонами лучше не связываться, – согласился Головин. Обменявшись крепким рукопожатием, они расстались.

Хвыля, оседлав мотоцикл с коляской, выехал на проселочную дорогу, а Федор привычно устроился за рычагами и продолжил вспашку. Назар все же решил об инциденте сообщить Дягелю, ведь рано или поздно до него дойдет слух и не исключено, что в искаженном виде. Лучше перестраховаться, упредить, чем потом что-то опровергать. Директора застал в кабинете.

– Яков Абрамыч, с Головиным треба щось робить? – заявил он с порога. – Федор лупцевал Колупая и Репчука. Пропаную лишыты його премии.

– Назар, ты мабуть с глузду зыхав, – возразил Дягель, знающий, как иврит, так и украинский язык. – Соображай, что предлагаешь? Головин у нас передовик производства, ударник труда, в почете. О нем знает глава администрации и вдруг хулиган, дебошир? Нас не поймут, скажут, что сами рубим сук, на котором сидим. Испортим себе деловую репутацию, имидж. Хуже того, обвинят в том, что возвеличивали правонарушителя.

Хвыля удрученно почесал затылок, и Яков Абрамович продолжил:

– Если мы лишим Головина премии, то обязаны будем

и себе урезать премиальные, иначе «наверху» нас не поймут. Подумай, кого мы выставим на соревнование за звание «Лучший пахарь района»? Или сам тряхнешь стариной, сядешь за рычаги гусеничного трактора?

– Ни, сноровка уже не та, – признался бригадир.

– В таком случае помалкивай, делай вид, что ничего не произошло.

– Якщо вони до Миколи Удода звернуться и той видкрое справу?

– Николай у меня в кулаке, – директор сжал холеный кулачок. – Как ему прикажу, так и поступит. Если упрется рогом, то попрошу начальника РОВД майора Калача найти ему замену. У меня на Удода, любителя сивухи, гора компромата. Не волнуйся, Назар Остапович, пока я нахожусь в этом кресле, ничто и никто нас, как писал Костя Симонов, не вышибет из седла.

– Бажаю успіху, – промолвил бригадир и вышел из кабинета с тревожным предчувствием грядущих событий.

11. В предвкушении оргий

В воскресенье, пополудни в комнату, где находился Головин, вихрем вбежала Ермакова и бодро сообщила:

– Твое задание выполнено! К восьми часам вечера к нам в гости пожалует Ася Хрумкина. С большим трудом удалось ее уговорить. Пришлось пойти на хитрость. Сказала, что нелов-

ко, что она постоянно меня угощает чаем, кофе с пирожным и печеньем, а теперь настала моя очередь. Но у тебя отчим, здоровый, как бык и угрюмый. Вдруг начнет приставать, – возразила подруга и пообещала. – Вот, когда приедет Анна Васильевна, тогда с большим удовольствием. Тогда я заверила, что ты нам совсем не помешаешь. После работы устает, словно вол, быстро засыпаешь. Не бойся, он же знает, что мы малолетки.

Сообщила она и смутилась, зная, что недавно лишилась невинности и стала женщиной. «Почему бы и Асе не испытать кайф и не превратиться в женщину, ведь она, наверное, сама этого желает. Только стесняется в том сознаться, – подумала Ермакова. – Ей надо помочь расслабиться, а с ровесниками лучше не связываться, разнесут по всей школе. Хрумкина потом за испытанное наслаждение благодарна будет.. Это ни с чем не сравнимое ощущение в горячем от страсти теле».

– Умница, Светка-конфетка, я не сомневался в твоих актерских способностях, – обнял он ее за хрупкие плечи.

– Родители отпустили Асю всего на один час, но она может задержаться еще, как минимум, на полчаса.

– Жаль, что так мало, но я постараюсь управиться, – заверил мужчина. – Ты ей не сказала, что будете в бане париться?

– Нет, иначе бы она еще больше заупрямилась. У них есть своя баня. До того, как ты достроил нашубаню, мы с мамкой со своими дровами ходили к ним париться. Кстати, Ася в

голом виде очень красивая девочка...

–Лучше тебя, никого нет, – произнес он и прижал к груди.

–А мамка?

– Ее поезд ушел. С ней я отбываю трудовую повинность, так сказать супружеский долг. Ты ей об этом не говори, а то страшно обидится.

–А со мной?

–Испытываю море блаженства, яркость и свежесть самых сладких ощущений. Ты молода, красива и не растрочена. Я обожаю тех, кого сам превращаю в женщин. А бабы, бывшие до меня в употреблении, вызывают недоверие и отвращение, – признался Федор и весело заметил. – Мы должны радушно встретить и потчевать гостью. Обязательно подружись с Наталкой Хвылей. Она девочка стройная, высокая и красивая. Очень сочная, кровь с молоком. Ее тоже надо будет пригласить в гости, пока Анна в отъезде.

– Наташке всего четырнадцать лет, она – недотрога, – сообщила Ермакова. – Родители держат ее в строгости, не пускают на дискотеку.

– Эх, Светка-конфетка, запомни: недотрог среди вашего племени не бывает. Это я тебе авторитетно заявляю, девочки созревают раньше пацанов. И пока их ровесники играют в футбол, в «казаки-разбойники», девки поглядывают на ребят, что на три-четыре года старше. Особенно весной, когда бурлят гормоны и плоть требует удовлетворения, каждой девочке хочется нежности и ласки. Они шалеют от сексуально-

го влечения и любопытства, желания испытать сладость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.